

XXXVII г.

№ 31

Выходить еженедельно (52 № в годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и К. М. Станюко-Вича, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 № № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 5-го августа 1906 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVII

1906

Къ этому № прилагаются: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія“ за августъ 1906 г., 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АВГУСТЪ 1906 г. съ 30 рис. и отдѣльн. листъ съ 32 черт. выкр. въ натур. велич. и 12 рис. выжиганія.

„Маленькая“.

Повѣсть
И. Н. Потапенко.

(Продолженіе).

IX.

На другой день, въ часть дня, мадамъ Зуавъ по обыкновенію поднялась наверхъ и прошла въ столовую. Въ этотъ часъ она завтракала. Она всегда дѣлала это торопливо, потому что внизу каждую минуту ждали ее за-казчицы.

Не успѣла она сѣсть за столъ, какъ явился Адольфъ. Онъ давно уже не являлся къ завтраку и, хотя онъ сѣлъ за столъ и подвязалъ себѣ даже салфетку, тѣмъ не менѣе мадамъ Зуавъ хорошо видѣла, что онъ пришелъ изъ - за дѣла. Поэтому она, послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ, приступила къ объясненію.

— Я много думала, Адольфъ, о твоёмъ желаніи...— начала она.

— Да, маман?— спросилъ Адольфъ.

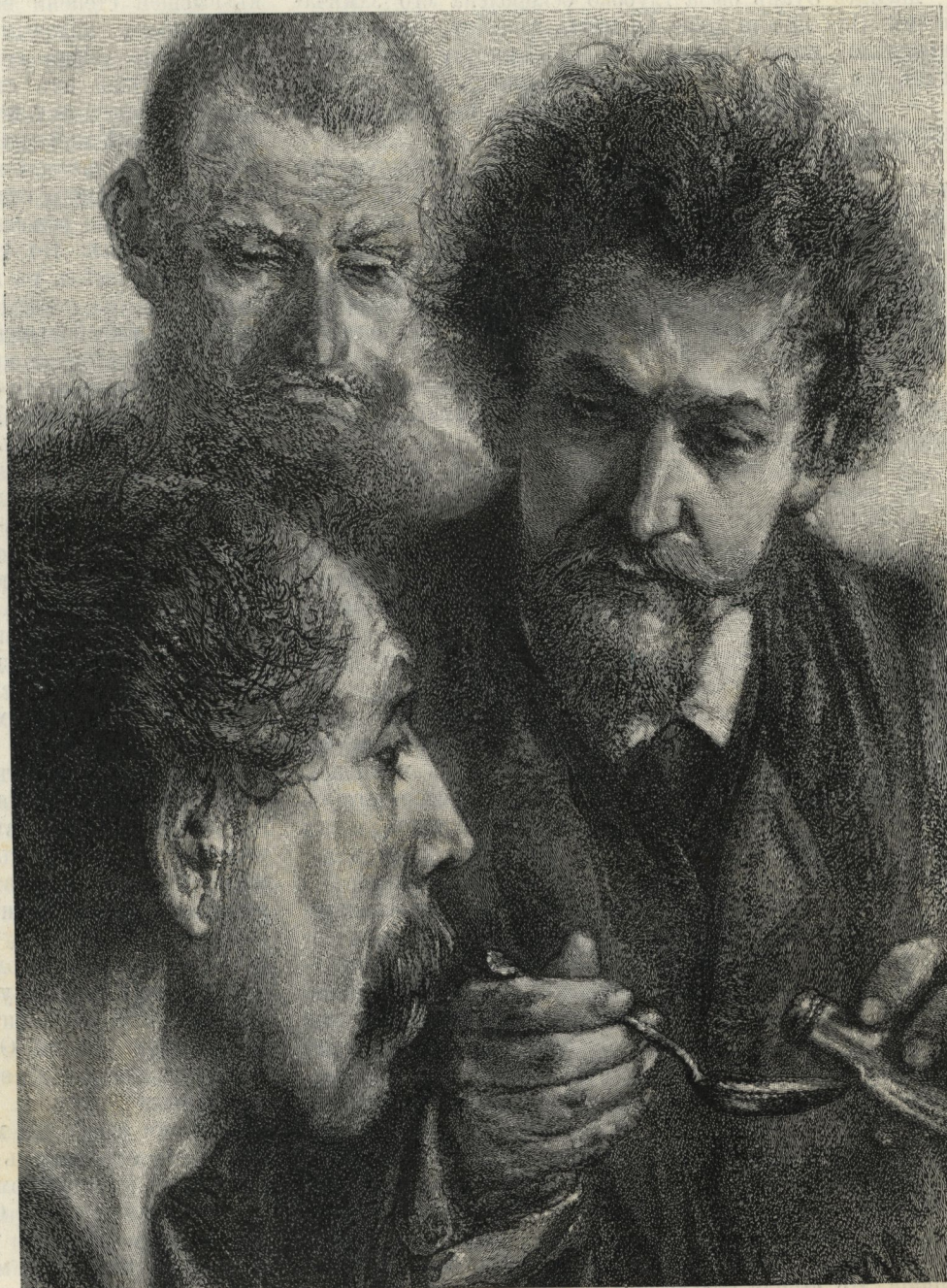
— Да, конечно. Вѣдь я тебѣ общала это. Ну, вотъ я и рѣшила.

— Это очень интересно, маман.

— Вотъ видишь ли, я никакъ не могла опредѣлить... Ну, ты понимаешь, о чемъ я говорю. Ты слишкомъ еще молодъ, Адольфъ.

— Но я думаю, что это не такой ужъ большой недостатокъ.

— Да, это недостатокъ, которому всѣ, не обладающіе имъ, завидуютъ. Но это сюда не относится. Я говорю, что ты молодъ, а значитъ, и неопытенъ. Съ деньгами ты обращаться не умѣешь. А это, мой другъ, довольно трудное искусство.

Въ больницѣ. Рисунокъ профессора Адольфа Менцеля, гравюра Гедана.

— Когда-нибудь надо же этому научиться,—сказал Адольф.

— Да, конечно, и, чтобы научиться, надо начинать съ маленького.

— Что вы называете маленьким?

— Ты сейчас узнаешь, Адольф. Я рѣшила выдѣлить тебѣ изъ моего капитала двадцать пять тысячъ.

— Двадцать пять тысячъ?

Онъ вскочилъ и, сорвавши съ шеи салфетку, швырнулъ ее на столъ.

— Вы хотите посмѣяться надо мной, татап. Двадцать пять тысячъ—это цифра неприличная. Вы забываете, что я вашъ сынъ и, сколько мнѣ извѣстно, единственный.

— Но, Адольфъ, ты вѣдь не перестанешь послѣ этого быть моимъ сыномъ. Ты очень хорошо знаешь, что послѣ моей смерти...

Адольфъ перебилъ ее:

— Послѣ вашей смерти, татап,—впрочемъ, я желаю вамъ жить какъ можно дольше,—послѣ вашей смерти останется м-г Рембо, которого вы, конечно, сдѣлаете вашимъ законнымъ наслѣдникомъ...

— Адольфъ...

Мадамъ Зуавъ была глубоко оскорблена его замѣчаніемъ. Она просто даже не могла говорить. Лицо ея покраснѣло, глаза горѣли. Адольфъ минуту помолчалъ, какъ бы давая ей успокоиться. Наконецъ она сказала:

— Ты оскорбилъ меня, Адольфъ, на это ты не имѣешь права.

— Я оскорбилъ васъ? Странно... Мнѣ кажется, что я сказалъ то, что неизбѣжно должно быть. Я нисколько не заблуждаюсь, татап. Вы очень добры, я это знаю, но у васъ не настолько сильный характеръ, чтобы сопротивляться вліянію господина Рембо. Это вліяніе для меня не можетъ быть благопріятно. Мы съ нимъ враги, это я говорю открыто. По всей вѣроятности, и онъ говорить то же самое обо мнѣ.

— Да, онъ говоритъ это, и это меня страшно огорчаетъ... Вы оба мнѣ близкіе люди и вы враги. Каково мнѣ жить среди васъ!..

— Очевидно, вамъ приходится выбрать одного изъ насъ, татап.

— Я этого вовсе не хотѣла.

— Но это все равно случилось. Итакъ, татап, вы предлагаете мнѣ двадцать пять тысячъ! Но я предпочитаю вовсе остаться безъ гроша. Я благодарю васъ и отказываюсь...

И Адольфъ сдѣлалъ рукой довольно эффектный жестъ безповоротнаго отказа и вышелъ изъ столовой.

Мадамъ Зуавъ осталась одна. У нея пропалъ аппетитъ. Завтракъ можно было считать совершенно неудавшимся. Она самымъ серьезнымъ образомъ мучилась.

Въ сущности, съ какой стати ей было ссориться съ сыномъ? Она жила съ нимъ чрезвычайно мирно. У нихъ были прекрасныя отношенія. Адольфъ всегда былъ почитителенъ къ ней, и вдругъ все это испортилось. Почему? Это совпало съ возвращеніемъ Рембо изъ Парижа.

Да, конечно, Рембо очень дорогъ ей. Но вѣдь пока мѣстъ онъ еще чужой. И мало ли что еще можетъ случиться! Она не предвидитъ никакихъ случайностей, но должна допускать ихъ возможность. Притомъ она еще не знаетъ, каковъ будетъ Рембо послѣ женитьбы, и что вообще выйдетъ изъ всего этого?

Да, она ясно сознавала, что дѣйствуетъ подъ вліяніемъ страсти, и это ужасало ее. Всю жизнь она была женщиной холодной и твердой. Никогда не давала она слишкомъ много воли своему сердцу. И вотъ теперь все перемѣнилось, она вдругъ потеряла всю свою твердость. Что же будетъ дальше? Ея пристрастіе къ Рембо просто пугало ее въ такія минуты, когда она была внѣ его вліянія. Но стоило только ему появиться, какъ она опять безпрекословно подчинялась его власти.

Вотъ и теперь ей приходилось выбирать между сыномъ и имъ, и она чувствовала, что скорѣе согласится потерять Адольфа, чѣмъ его.

Ею овладѣли мучительныя колебанія. Въ сущности, она понимала, что предложеніе двадцати пяти тысячъ должно было обидѣть Адольфа. Изъ трехсотъ всего только двадцать пять. Вѣдь это всего будетъ какая-нибудь двѣнадцатая часть. Это слишкомъ ничтожно. Вѣдь она дѣлала такой рѣшительный шагъ, она даже мѣняла фамилію. У нея уже больше не будетъ та фамилія, которую носитъ Адольфъ.

Всѣ эти колебанія были ей не подъ силу, и она начала сдаваться. У нея уже явилась мысль о томъ, чтобы увеличить сумму для Адольфа, ну, положимъ, дать ему пятьдесятъ тысячъ, но при этомъ совершенно необходимо скрыть это отъ Рембо.

Но развѣ можно скрыть это отъ него? Рембо знаетъ точную цифру ея капитала. Ему не трудно будетъ высчитать. И притомъ скрывать—это такое униженіе, въ особенности для нея, которая всегда была такъ самостоятельна. Нѣтъ, ужъ если прибавлять, то открыто.

Адольфъ отправился въ свою комнату. Здѣсь онъ бурно ходилъ изъ угла въ уголъ, и мысли у него были въ высшей степени воинственныя. Онъ не былъ легкомысленнымъ молодымъ человѣкомъ, не любилъ хвастаться, но теперь его знакомые могутъ подумать такъ о немъ. Вѣдь онъ съ полнымъ правомъ ожидалъ, что мать выдѣлитъ ему по крайней мѣрѣ сто тысячъ, и въ этомъ смыслѣ кой-съ-къмъ уже поговорилъ. Теперь онъ можетъ быть поставленъ въ смѣшное положеніе. Въѣсто ста тысячъ у него окажется всего только двадцать пять.

На этомъ же основаніи онъ велъ переговоры о шляпномъ магазинѣ. Но теперь это оказывается невозможнымъ. Онъ имѣлъ въ виду обширное предпріятіе, чтобы сразу стать на ноги. Но одна покупка этого предпріятія требовала уже большей суммы, чѣмъ та, которую предлагала ему мать. А кромѣ того нуженъ капиталъ, безъ котораго нельзя вести никакое дѣло.

Нѣтъ, рѣшительно можно было думать, что мать не серьезно отнеслась къ нему. Вѣдь съ ея замужествомъ онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ жить вмѣстѣ съ нею. Она сама приучила его жить широко и теперь хочетъ, чтобы онъ жилъ на ничтожную ренту съ двадцати пяти тысячъ. И онъ хорошо сдѣлалъ, что отказался. По крайней мѣрѣ, онъ показалъ ей, насколько онъ самъ себя уважаетъ.

Но, съ другой стороны, ему была крайне непріятна эта ссора съ матерью. Вѣдь въ его положеніи онъ всецѣло отъ нея зависитъ. Если она въ самомъ дѣлѣ не захочетъ принять во вниманіе его интересы, онъ можетъ очутиться на улицѣ.

И чего онъ достигнетъ своей ссорой? Если бы это могло причинить непріятность Рембо, онъ, пожалуй, пошелъ бы на это. Но вѣдь Рембо—онъ только обрадуется этому. Онъ посмотритъ на это только съ чисто практической точки зрѣнія: капиталъ останется цѣль, а Адольфу очень хорошо извѣстно, что Рембо только и думаетъ объ этомъ капиталѣ.

И вотъ сейчасъ Адольфъ совершенно безъ гроша. Тѣ деньги, какія бывали у него въ карманѣ, онъ получалъ отъ матери; правда, онъ работалъ въ магазинѣ. Но какая же это работа? Онъ просто торчалъ тамъ и, подъ видомъ жалованья за это торчаніе, получалъ ежемѣсячно порядочныя деньги.

Какъ же быть? По мѣрѣ того, какъ онъ размышлялъ, мысли его становились спокойными, и онъ начиналъ видѣть жизнь въ истинномъ свѣтѣ. Двадцать пять тысячъ—это все-таки деньги. Съ ними все же кой-что можно предпринять. И если разсмотрѣть хорошенько, то это даже и не такія ужъ маленькія деньги.

А если потерять даже ихъ, то тогда онъ превратится въ ничто. Что такое онъ въ самомъ дѣлѣ? Образованіе

у него самое жалкое, его связи—это все знакомства его матери. Если онъ съ нею разойдется, ихъ можно не считать.

Мать, конечно, не оставитъ его совѣтъ безъ денегъ, хотя бы изъ одной боязни скандала, она будетъ выдавать ему по грошамъ, а это и неудобно, и унижительно.

Какъ бы онъ ни кипятился, а въ немъ всегда какъ-то перевѣшивала практическая сторона. И на этотъ разъ онъ окончательно успокоился и пришелъ къ вполнѣ здравому рѣшенію: взять двадцать пять тысячъ у матери. И, рѣшивши такимъ образомъ, онъ уже больше не колебался.

Совершенно твердыми шагами онъ отправился въ столовую. Мадамъ Зуавъ была еще тамъ. Она сидѣла за столомъ, но не завтракала. Голова ея была опущена на руки. При его появленіи она подняла голову.

— Мамап, я обдумалъ. Хорошо. Я согласенъ.

Мадамъ Зуавъ крайне изумленными глазами посмотрѣла на него. Она даже нѣсколько смѣшалась. Вѣдь онъ засталъ ее какъ разъ въ ту минуту, когда она была уже близка къ рѣшенію дать ему пятьдесятъ тысячъ. Но послѣ его словъ рѣшеніе это тотчасъ поблекло, и она ни однимъ словомъ не выдала его.

— Такъ ты согласенъ, Адольфъ?—для большей прочности переспросила она.

— Да, мамап... Мнѣ больше ничего не остается.

Мадамъ Зуавъ поднялась.

— Ты возьмешь чекъ?—спросила она, очевидно, желая какъ можно скорѣе покончить съ этимъ мучительнымъ вопросомъ.

— Да, если можно...—отвѣтилъ Адольфъ.

— Хорошо. Я сейчасъ дамъ тебѣ... Ты подождешь минутку?

— Я подожду.

Мадамъ Зуавъ быстро отправилась въ свой кабинетъ, гдѣ у нея въ маленькомъ письменномъ столѣ лежала чековая книжка. Она вынула книжку, написала чекъ, оторвала его и, не теряя ни минуты, вышла въ столовую.

— Вотъ... Ты можешь сегодня же получить, если хочешь!—сказала она, протягивая ему руку съ чекомъ. Но вдругъ ей захотѣлось сказать ему что-нибудь болѣе мягкое, и она прибавила даже слегка дрожащимъ голосомъ: — Помни, Адольфъ, что это тебѣ дается на первое время, чтобы ты могъ завести свое небольшое дѣло. Но если я увижу, что дѣло у тебя прочное и можетъ идти хорошо, и если для него потребуется помощь, ты всегда можешь разсчитывать на меня.

— Благодарю васъ, мамап,—холодно сказалъ Адольфъ, принимая чекъ и кладя его въ карманъ.—Но я думаю, что это будетъ зависѣть уже не отъ васъ, — прибавилъ онъ съ выраженіемъ ѣдкости.

— Адольфъ... — остановила его мадамъ Зуавъ. — Ты ожесточаешь меня. Напрасно ты это дѣлаешь. Это не можетъ принести тебѣ никакой пользы. А между тѣмъ, право же, лучше намъ жить въ мирѣ...

— Я васъ ожесточаю? Но, право же, не больше, чѣмъ вы меня ожесточили... Вы знаете, мамап, что я всегда относился къ вамъ почтительно и говорилъ съ вами такимъ тономъ, который не могъ обидѣть васъ. Но вы сами заговорили со мной другимъ тономъ. Во всякомъ случаѣ, благодарю васъ.

Онъ поклонился и хотѣлъ выйти, но она остановила его.

— Что же ты будешь дѣлать? — спросила мадамъ Зуавъ.

— Не знаю!—отвѣтилъ Адольфъ.

— А шляпный магазинъ? Ты говорилъ что-то мнѣ о немъ.

Адольфъ саркастически усмѣхнулся.

— Это смѣшно, то, что вы говорите, мамап. Одна покупка его потребовала бы большей суммы, чѣмъ эта.

— Но однако что же ты предпримешь?

— Должно-быть, буду на лоткѣ торговать, — сказалъ Адольфъ съ усмѣшкой и вышелъ изъ столовой.

Онъ зашелъ на минуту въ свою комнату, переодѣлся и затѣмъ вышелъ на улицу. Онъ испытывалъ бѣшенство, но не противъ матери, которую онъ считалъ жертвой, а противъ Рембо. Къ этому человѣку онъ питалъ непримиримую ненависть. Еще мальчикомъ, будучи ученикомъ коммерческаго училища, онъ думалъ о себѣ не иначе, какъ о единственномъ наслѣдникѣ всего состоянія мадамъ Зуавъ. И мадамъ Зуавъ тогда страшно носилась съ нимъ. Онъ тогда былъ хорошенькимъ мальчикомъ, и она играла съ нимъ, какъ съ куклой, въ часы, свободные отъ занятій.

И онъ привыкъ къ этой мысли. И вдругъ явился какой-то совершенно посторонній человѣкъ, который самымъ грубымъ образомъ вытѣснилъ его изъ сердца матери и изъ ея дома.

Онъ шелъ по Невскому и дошелъ до Караванной. Случайно поднявъ онъ голову и увидѣлъ цѣлый рядъ зеркальных высокихъ оконъ во второмъ этажѣ. Ихъ мыли и чистили изнутри. Это легко было замѣтить. Тутъ онъ сообразилъ, что это и есть та квартира, которая отдѣляется для мастерской мадамъ Зуавъ. Такъ какъ мадамъ Зуавъ страшно торопилась съ этимъ, то, вѣроятно, черезъ мѣсяцъ квартира будетъ готова.

„Вотъ куда, значитъ, переѣдетъ фирма „мадамъ Зуавъ“. чень можетъ быть, что она перемѣнитъ не только квартиру, но и названіе. Даже навѣрно, такъ какъ тщеславіе Рембо непременно подскажетъ эту мысль, а мадамъ Зуавъ ему подчинится...“

И въ этотъ моментъ, Богъ знаетъ почему, у него совершенно внезапно явилась новая мысль, которая, какъ молнія, освѣтила его голову и показала ему геніальной. Да, въ самомъ дѣлѣ, это была удивительная мысль. И даже непонятно, какъ она пришла въ голову Адольфа, вообще не отличавшуюся изобрѣтательностью и остроуміемъ.

Но, должно-быть, это была очень опасная мысль, потому что Адольфъ, почувствовавъ ее въ своей головѣ, какъ-то боязливо оглядѣлся, какъ будто боялся, чтобы кто-нибудь не подсмотрѣлъ или не подслушалъ ее. Мысль была во всякомъ случаѣ очень сложная. И онъ почувствовалъ необходимость обсудить ее.

Онъ отправился въ ресторанъ. Вѣдь сегодня онъ не завтракалъ. Ссора съ матерью началась въ тотъ самый моментъ, когда онъ подвязалъ салфетку и только протянулъ руку, чтобы взять съ блюда кушанье.

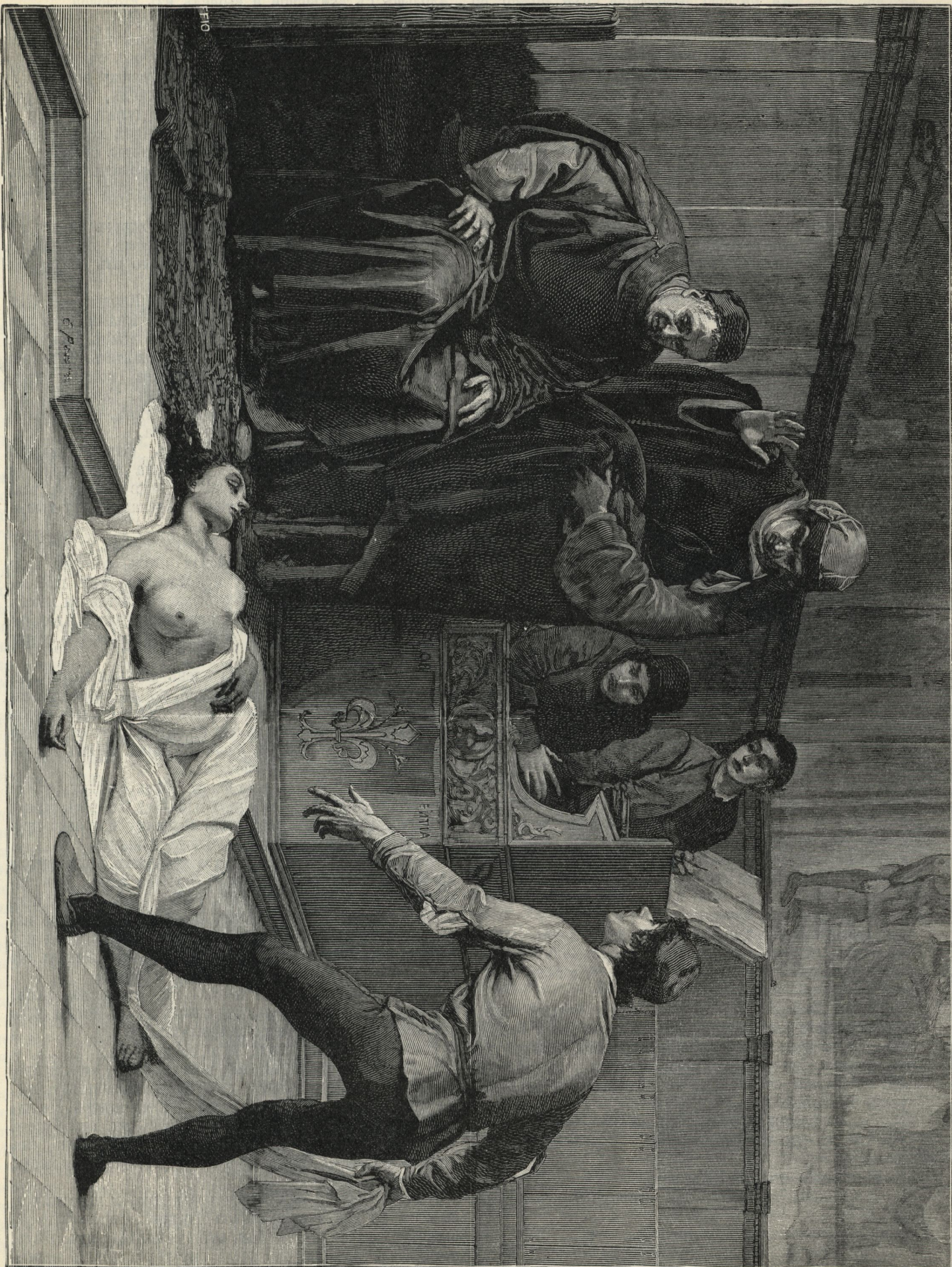
Въ ресторанѣ онъ сѣлъ за отдѣльнымъ столикомъ и прежде всего потребовалъ себѣ бутылку вина. Онъ никогда не пилъ цѣлой бутылки, но на этотъ разъ у него явилась какая-то потребность поддержать высокое напряженіе своихъ нервовъ. Понемногу прихлебывая изъ рюмки, онъ чувствовалъ, какъ съ каждымъ глоткомъ его замѣчательная мысль становилась все яснѣе.

О, это была геніальная мысль! Уже это не подлежало никакому сомнѣнію. Онъ обдумывалъ ее въ деталяхъ, и она все больше и больше нравилась ему.

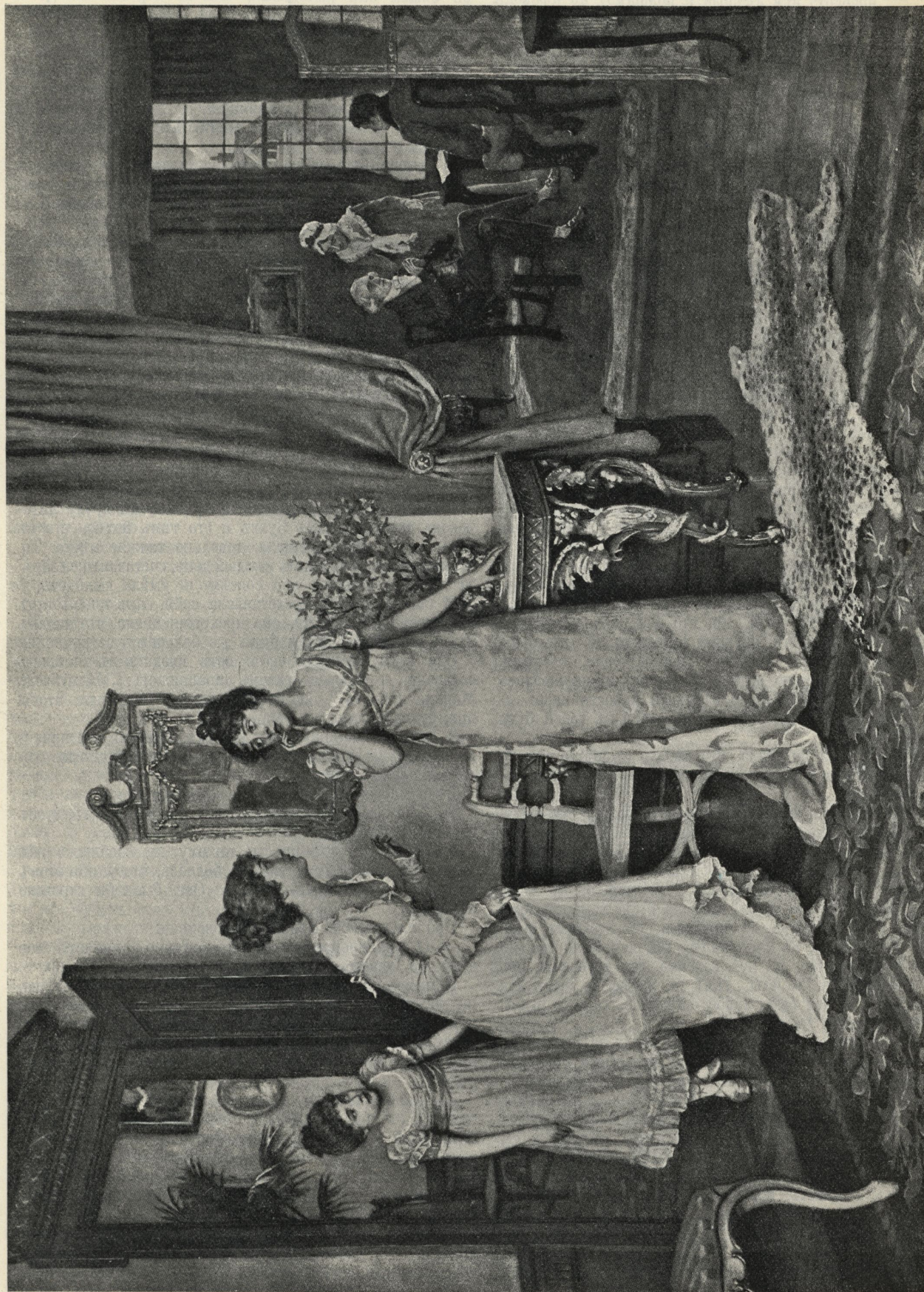
Глаза его расширились, лицо сіяло.

И главное, что она вполнѣ исполнима, и онъ непременно исполнитъ ее. Только это будетъ страшный ударъ... Къ сожалѣнію, это будетъ ударъ для его матери. Но ничего. Ударъ не смертельный. Притомъ же она будетъ утѣшена счастьемъ съ господиномъ Рембо. Зато онъ отомститъ Рембо. Никто такъ не почувствуетъ эту месть, какъ онъ.

И теперь, когда онъ кончилъ завтракъ и выпилъ всю бутылку до дна, онъ думалъ о Маринкѣ. Она такъ тѣсно была связана съ его мыслью, которая владѣла имъ. Нѣтъ, мадмуазель Марина не могла упрекнуть его въ невниманій. Въ эти три недѣли онъ искалъ ее, онъ хотѣлъ ее видѣть, но это сдѣлать было очень трудно, потому что она жила съ матерью. Онъ не считалъ себя въ правѣ

Накъ възникло „Братство состраданія“ во Флоренци. Картина 3. Палино, гравюра Арнгейма.

Судба рѣшается. Картина К. Гайгъ-Вуда, авт. «Нивы».

посѣтить ее. Но однажды онъ встрѣтилъ ее, когда она шла изъ церкви. Ему захотѣлось подойти къ ней, хотя онъ видѣлъ, что съ нею шла Неонила Панкратьевна. Но онъ все-таки рѣшился. Марина была очень смущена, но, кажется, и обрадована. Она представила его Неонилѣ Панкратьевнѣ, которая сейчас же нѣсколько отстала, а они вдвоемъ пошли впередъ. Онъ проводилъ ее до самого дому. Они не говорили ни о чемъ значительномъ, потому что оба были смущены. Но все равно, она знаетъ, что онъ искалъ встрѣчи съ ней, а это очень важно. Да, теперь, когда у него родилась и созрѣла эта замѣчательная мысль, это сдѣлалось необыкновенно важнымъ.

И теперь она рисовалась ему такою, какою онъ встрѣтилъ ее на улицѣ, съ розовыми щеками, что бывало у нея такъ рѣдко, въ шубейкѣ. Правда, шубка у нея была не богатая, но очень шла къ ней.

Сегодня же онъ ее увидитъ. Это было рѣшено.

X.

Дни отдыха были для Маринки самыми печальными днями, какіе когда-либо были въ ея жизни.

До 12 лѣтъ, т. е. до поступленія въ мастерскую мадамъ Зуавъ, она жила какъ-то полусознательно. При отцѣ постоянно высказывались надежды, что ее отдадутъ куда-нибудь учиться, шла даже рѣчь о гимназій, но это не удавалось и все откладывалось. А когда умеръ Кацавейкинъ, то ужъ объ этомъ даже и рѣчи не было.

Неонила Панкратьевна, правда, и не раздѣляла его мечтаній о Маринкиной учености, и разговоръ объ этомъ какъ-то самъ собою прекратился. Маринка какъ-то осталась за флагомъ, ее ни къ чему уже не готовили, она точно висѣла въ воздухѣ.

У Неонилы Панкратьевны, которая послѣ смерти мужа растерялась, не было никакого идеала относительно будущности Маринки. И Маринка просто болталась въ домѣ безъ всякаго дѣла. То, что она дѣлала, помогая матери шить и вести скудное хозяйство, не считалось настоящимъ дѣломъ. Неонила Панкратьевна, несмотря на нѣжность, которую питала къ дочери, ограничивалась только тѣмъ, что постоянно вздыхала и восклицала:

— Охъ, ты, Господи, и что я только съ тобой буду дѣлать?

И правда, она не знала, что дѣлать съ Маринкой, до тѣхъ поръ, пока у мадамъ Рогатовой не явилась ея блестящая мысль.

И для Маринки настоящая жизнь началась только съ того момента, когда она поступила въ мастерскую. Въ первый же день, несмотря на то, что условія жизни, въ качествѣ ученицы, были не Богъ знаетъ какія блестящія, Маринка разомъ почувствовала, что попала въ свою сферу. Переходъ изъ дома, гдѣ она была подъ крыломъ матери, гдѣ, несмотря на скудость, ей все-таки было тепло и привѣтно, въ мастерскую, гдѣ всѣ были для нея чужіе и относились къ ней казенно, гдѣ требовали отъ нея усидчивости, работы, тѣмъ не менѣе не былъ для нея тяжелъ. У нея было такое ощущеніе, какъ у рыбы, которую пустили въ воду.

И затѣмъ незамѣтно, постепенно, капля за каплей въ нее всасывалась тамъ своеобразная атмосфера портняжной мастерской съ ея особыми нравами и обычаями.

И теперь она какъ-то вся была соткана изъ этихъ особенностей. Ея характеръ, воспитанный тамъ, казалось, только для этого дѣла и былъ пригоденъ, мысли, какія возникали у нея въ головѣ, всѣ были направлены извѣстнымъ образомъ. Она умѣла думать только о платьяхъ, о рюшахъ, оборкахъ, корсажахъ, кофточкахъ и всевозможныхъ украшеніяхъ къ нимъ. Когда она думала объ этихъ предметахъ, она была умна, она чувствовала, что занимается своимъ дѣломъ. Какъ только она начинала думать о другихъ вещахъ, она оказывалась безпомощной.

И теперь, когда она проводила дома цѣлые дни, она чувствовала себя такъ, какъ будто была въ гостяхъ. Въ цѣлыхъ пять лѣтъ и притомъ именно тѣ, когда дѣвушка

формируется, когда заканчивается ея міросозерцаніе, она была поглощена интересами своего портняжнаго дѣла. Сперва она вовсе не жила дома, пока была ученицей, а потомъ въ сущности приходила только для того, чтобы ночевать. Но приходила она усталая и загнанная цѣлодневной работой и думала только о томъ, чтобы выспаться и размять кости, и Неонилѣ Панкратьевнѣ посвящала очень немного вниманія. Онѣ какъ-то совсѣмъ перестали понимать другъ друга. Круги интересовъ у нихъ были разные.

И вдругъ она всего этого лишилась. Она лишилась своей сферы, безъ которой уже не могла существовать. Рыбу, свободно плававшую въ водѣ, опять выбросили на берегъ.

Самое ужасное во всемъ этомъ—это было ея душевное состояніе, какое-то мучительное чувство отверженности. Да, ей дали отдыхъ, при другихъ условіяхъ это могло бы быть даже приятно, но ея положеніе было исключительное. Не случись этой исторіи съ Рембо, никому бы и въ голову не пришло давать ей отдыхъ. Ничего подобнаго въ этомъ кругу не полагается. Пять лѣтъ она прожила въ мастерской, и при ней никому не давали отдыха. Даже мадмуазель Квиссо, которая занимала высшую должность закройщицы, одинъ только разъ была отпущена куда-то въ Швейцарію, гдѣ были ея родные, на одинъ мѣсяць.

И въ сущности всѣ эти дни она мысленно жила тамъ, въ мастерской, въ особенности же въ магазинѣ.

Она привыкла видѣть себя въ узенькомъ кругу интересовъ фирмы мадамъ Зуавъ и это тѣмъ болѣе, что въ томъ кругу она занимала довольно важное мѣсто. То, что переживала она тамъ каждый день, составляло ея міръ, за предѣлы котораго она совсѣмъ не умѣла выходить.

И она постоянно представляла себѣ, какъ теперь тамъ обходятся безъ нея. О, она прекрасно знала, что мадамъ Зуавъ въ первое время была въ большомъ затрудненіи.

Она ясно рисовала себѣ: вотъ входитъ въ магазинъ заказчица и первымъ дѣломъ спрашиваетъ: „Мадмуазель Марина придетъ?“ Да, непременно всѣ желаютъ, чтобы примѣряла мадмуазель Марина.

А мадмуазель Марины-то и нѣтъ. Въмѣсто нея приходитъ мадмуазель Квиссо, и у заказчицы сейчасъ же дѣлается кислое лицо.

Вѣдь многія ей даже лично говорили:

— Ахъ, мадмуазель, пожалуйста, устройте такъ, чтобы вы мнѣ примѣряли.

Маринка изъ скромности никому не сообщала объ этомъ, въ особенности же она боялась, чтобы объ этомъ не узнала мадмуазель Квиссо. Она была бы страшно обижена.

Про мадмуазель Квиссо ей говорили:

— О, она прекрасная особа и отлично понимаетъ свое дѣло, но, знаете, она такая непривѣтливая.

И представляла себѣ Маринка, какъ всѣ онѣ косились на мадмуазель Квиссо. Но ко всему вѣдь привыкаютъ и къ этому привыкнуть. Можетъ-быть, давно уже и забыли о ней. Вѣдь было же прежде, что обходились безъ нея. Мадмуазель Квиссо все дѣлала сама, какъ и теперь дѣлаетъ.

Да, тамъ привыкли, а она не можетъ отвыкнуть. Она сжилась съ той атмосферой, точно срослась со стѣнами мастерской и магазина. Тамъ обыкновенно бываетъ воздухъ тяжелый, другіе даже страдаютъ отъ этого, имъ трудно дышать, а ея легкимъ нуженъ именно тотъ воздухъ, потому что они страннымъ образомъ на немъ окрѣпли.

Еще если бы у нея было какое-нибудь свое дѣло, то, можетъ-быть, удалось бы ей забыть, а то вѣдь съ утра до вечера она должна была „отдыхать“. Ничто не принуждало ее къ работѣ. Деньги у нихъ пока были, ни о чемъ заботиться не приходилось.

Пробовала она что-нибудь пошить для матери, такъ

как видѣла, что гардеробъ Неонила Панкратьевны порядочно запущенъ. Но Неонила Панкратьевна не позволила ей.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что! Довольно ты тамъ нарабаталась! Отдыхай.

Изрѣдка у нея бывали свѣтлые моменты. Ей вдругъ начинало казаться, что нѣтъ, этого быть не можетъ, чтобы ее, со всѣми ея заслугами для мастерской и магазина, съ той пользой, какую она несомнѣнно приносила, ее, сдѣлавшуюся тамъ необходимой, забыли. И тогда ей начинало казаться, что все такъ и есть, какъ сказала ей мадамъ Зуавъ, когда разставалась съ ней: ей дѣйствительно дали отдыхъ, ну, положимъ, хотя подъ вліяніемъ исторіи съ Рембо, но все же хотѣли, чтобы она укрѣпилась для новой работы, которая предстоить въ новомъ помѣщеніи. А потомъ дадутъ ей болѣе важную, болѣе ответственную роль.

И тутъ она начинала мечтать, и это были прекрасныя мечты. Она ярко рисовала себѣ шикарное новое помѣщеніе на Невскомъ около Караванной и видѣла тамъ себя въ роли младшей закройщицы, ужъ теперь официально. Младшая — это только названіе, формальность, политика, чтобы не обидѣть мадмуазель Квиссо, старую закройщицу. Но, конечно, она будетъ тамъ главная. Ее будутъ тормошить каждую минуту, ее будутъ рвать на части и въ мастерской и въ магазинѣ, ей совѣтъ не дадутъ покоя, но это ничего не значить, это ее совѣтъ не пугаетъ, въ этомъ-то и состоитъ высочайшее наслажденіе — сознавать, что ты все, что безъ тебя шагу не могутъ ступить.

И у нея вѣдь было сознаніе, что она далеко еще не показала всего, что у нея есть. Въ той роли, какую она играла, все-таки крайне несамостоятельной и зависимой, она не могла дать полную волю своей фантазіи. Ей,

правда, еще смутно рисовались новыя фасоны, новыя невиданныя красоты, въ головѣ ея роились тысячи идей и комбинацій, отъ которыхъ и мадамъ Зуавъ и заказчицы сойдуть съ ума. И когда она думала объ этомъ, то у нея духъ захватывало, и дѣлалось головокруженіе.

И дома вѣдь тоже станетъ лучше. Неонила Панкратьевна, конечно, оставитъ тогда эту ничтожную квартиру и переселится въ болѣе приличную. Главное же, у нихъ тогда заведется милая обстановка, конечно, не дорогая, но все же такая, что можно будетъ принимать людей.

Она особенно часто останавливалась на вопросѣ объ обстановкѣ. Ей ужасно надоѣлъ этотъ клеенчатый прямой диванъ, такой жесткій и неудобный, этотъ хромой комодъ, круглый столъ и нѣсколько стульевъ. Она знала, что обстановку можно приобрести на выплату, съ разсрочкой, ей рассказывали о такихъ случаяхъ, и тогда можно будетъ завести недурныя вещи.

И гдѣ-то на самомъ отдаленномъ краю горизонта ея мечтаній рисовался ей Адольфъ, котораго она тогда тоже сможетъ принимать у себя. О, ничего больше, только принимать въ качествѣ добраго знакомаго. Что же изъ того, что онъ гораздо выше ея по положенію и никогда ей не достанется?! Все-таки онъ можетъ бывать, и ей это будетъ приятно. Тѣмъ болѣе, что тогда она по своему положенію нѣсколько подымется и приблизится къ нему.

Объ Адольфѣ она думала, какъ о чемъ-то далекомъ и недоступномъ, а все-таки сердце ея при этомъ билось болѣе усиленнымъ темпомъ.

Но эти мечты, столь сладостныя, когда она ими увлекалась, причиняли ей горечь, когда на первый планъ выдвигалась дѣйствительность. Ничего этого нѣтъ и не будетъ. Оторвали ее отъ всего этого, вышвырнули вонъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Завидую тебѣ, свободный соловей!

Мой узникъ улетѣлъ къ роднымъ лѣсамъ своимъ...

Не удержалъ его ни плющъ зеленый, цѣпкій—

Его ревнивый стражъ передъ окномъ моимъ,—

Ни прутья толстыя его темницы крѣпкой...

Вспорхнулъ и улетѣлъ... и пѣсни вновь постъ

Въ лѣсахъ страны родной родимому народу

И братьевъ-узниковъ туда къ себѣ зоветь,

Къ сіяню солнышка, на свѣтъ и на свободу.

Завидую тебѣ, свободный соловей!

О, если бы и мнѣ познать такую долю

И съ пѣсней робкою, запуганной моей

Подняться на просторъ и улетѣть на волю!..

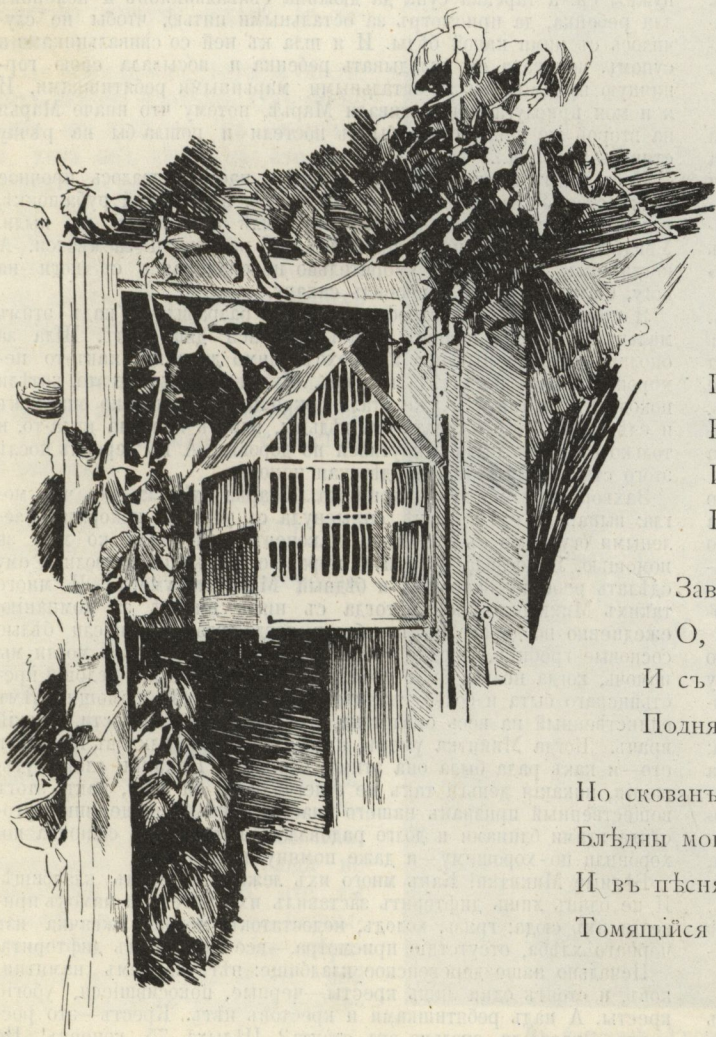
Но скованъ мой языкъ... мой духъ унылъ и слабъ,

Блѣдны мои мечты, а вдохновенія рѣдки,—

И въ пѣсняхъ я своихъ лишь скорбный, жалкій рабъ,

Томящійся всю жизнь въ житейской тѣсной клѣткѣ.

Георгій Аркатовъ.

Наканунѣ отъѣзда.

Разсказъ Б. П. Никонova.

Чемоданы уложены. Мебель и громоздкія вещи отправлены уже два дня тому назадъ... Опустѣло наше гнѣздо! Впрочемъ, оно уже не наше; и домъ и вся усадьба проданы купцу - лѣсо-промышленнику Китаеву.

Завтра мы уѣзжаемъ отсюда въ Петербургъ, уѣзжаемъ навсегда! Навсегда порывается связь съ землей, съ лѣсомъ, полями, рѣкой, связь съ деревней и крестьянами. Я увѣренно говорю «навсегда», потому что наши обстоятельства отнынѣ не позволяютъ намъ жить прежней деревенской, помѣщичьей жизнью: мы станемъ горожанами, и если и будемъ наѣзжать куда-нибудь на «лоно природы», то будемъ на этомъ лонѣ только временными гостями. Не будетъ уже прежней крѣпкой внутренней связи съ землею, съ деревней: пройдай, деревня!

Прощай, нашъ старый барскій домъ! Въ послѣдній разъ сегодня я обхожу всѣ твои комнаты, всѣ этажи, съ чердака и до подвала. Прощай! И если ты просуществуешь еще сколько-нибудь лѣтъ, если Китаевъ не передѣлаетъ тебя въ винокуренный или лѣсопильный заводъ, то поминай насъ добромъ, не забывая насъ! А я тебя не забуду никогда!

Подъ твоею крышей, въ твоихъ старыхъ, праѣдовскихъ стѣнахъ родилась и выросла я и всѣ мои дѣти. Сколько лѣтъ прожила я здѣсь! Сколько радости и горя хранилъ ты въ своихъ стѣнахъ! Сколько воспоминаній гнѣздится въ нихъ вмѣстѣ съ гнѣздами ласточекъ, пріютившихся межъ высокихъ, старинныхъ оконъ!

Сегодня ты весь побѣлѣлъ снаружи отъ снѣга! Нынче слишкомъ рано наступила зима: еще осень не успѣла убраться изъ деревни, еще зеленѣютъ кой-гдѣ послѣдніе стебли сухой травы, еще не замерзла рѣка, а тяжелые бѣлые хлопья уже летятъ съ неба и покрываютъ голыя деревья, застывшую черную землю и твою крышу бѣлымъ ковромъ. Ты посѣдѣлъ въ одну ночь, мой старый родной домъ, отъ тоски, отъ горя при разлукѣ съ нами!

Вѣтеръ воетъ въ трубахъ и стучитъ старыми ставнями. Вьюга бушуетъ за воротами и словно хоронитъ подъ своимъ бѣлымъ саваномъ всю нашу прежнюю здѣшнюю жизнь, всѣ воспоминанія, всѣ слѣды ея. Завтра насъ здѣсь уже не будетъ!

Въ городѣ для насъ нанята удобная, просторная квартира съ всевозможными модными приспособленіями, съ электрическимъ освѣщеніемъ, съ центральнымъ отопленіемъ.

Но развѣ можно сравнить то бездушное, безличное жилище съ нашимъ старымъ домомъ, живущимъ своею особенною, личною жизнью — съ нашимъ старымъ домомъ, всѣ стѣны котораго приняли въ себя частицу жизни моей, моихъ дѣтей, моихъ предковъ?...

Въ послѣдній разъ я обхожу всѣ комнаты, опустѣвшія и мрачныя въ запустѣніи разрушенія и отъѣзда. Вотъ бѣлая зала съ хорами и колоннами и огромной раковиной подъ хорами. Въ этой раковинѣ, облицованной и выстланной мраморомъ, моя прабабушка торжественно возсѣдала на особомъ креслѣ во время баловъ и принимала здѣсь привѣтствія гостей... А кругомъ сверкали люстры и бра съ восковыми свѣчами, и шумная, пестрая толпа мужчинъ въ парикахъ, чулкахъ и вышитыхъ камзолахъ и дамъ въ робронахъ, высочайшихъ прическахъ и туфляхъ «стерлядкою» двигалась подъ звуки «Громя побѣды раздавайся»...

Вотъ гостиная съ темными обоями и чудною лѣпкою потолка... Этотъ потолокъ и капители колоннъ въ залѣ лѣпилъ итальянецъ Джіованни, «вывезенный» моимъ предкомъ изъ Генуи. Бѣдняга украсилъ весь домъ своей замѣчательной работой и, хотя ему не платили ни гроша жалованья, не уходилъ и не ушелъ отъ насъ, потому что влюбился въ красавицу-жену своего покровителя — въ мою прабабушку... Онъ умеръ отъ чахотки и похороненъ на нашемъ кладбищѣ.

Вотъ страшная «зеленая комната»... Страшная потому, что здѣсь застрѣлся мой дядя послѣ того, какъ нечаянно убилъ на охотѣ своего друга. На паркѣ до сихъ поръ видны пятна его крови. Въ этой комнатѣ устроили однажды дѣтскую, но дѣти стали хворать, и маленький Митя умеръ. Послѣ этого въ нее поставили акваріумъ, стѣны выкрасили зеленой краской «цвѣта морского дна», а на ночь ея двери плотно запирали...

Мнѣ и теперь жутко входитъ въ нее... Мнѣ все кажется, что я увижу въ ней темную длинную фигуру дяди, стоящаго въ углу съ опущенной головой, или маленькаго блѣднаго мальчика въ бѣлой рубашечкѣ...

Жутко входитъ и въ низкія, мрачныя комнаты нижняго этажа: тамъ были людскія и дѣтскія учебныя комнаты, и пахло всегда какимъ-то страннымъ кисловатымъ запахомъ. Въ одной изъ комнатъ въ стѣнѣ до сихъ поръ остается незадѣланною низкая дубовая дверь: это начало подземнаго хода, который начали-было дѣлать во время пугачевщины... Боялись, что крестьяне взбунтуются. Но Богъ миловалъ насъ отъ этого: крестьяне насъ любили, и ходъ такъ и остался неоконченнымъ и былъ потомъ снова засыпанъ. Осталась одна только дверь, нагонявшая на меня въ дѣтствѣ какой-то мистическій ужасъ. Мнѣ чудились за ней мертвецы, привидѣнія, сказочные гномы...

Крестьяне! Да, мы жили съ ними въ ладу. Правда, случались неприятности, потравы, мелкія кражи, но я и мой мужъ — мы не

гонялись за мелочами и рѣдко доводили дѣло до болѣе крупныхъ воздѣйствій, чѣмъ выговоръ во-время, доброе убѣжденіе и справедливый упрекъ, что мы, дескать, къ вамъ всей душой — и поможемъ, когда надо, и изъ бѣды вытянемъ, а вы съ нами вонъ что дѣлаете! — И мы, въ самомъ дѣлѣ, помогали имъ.

Если перевести на чистыя деньги, то городскіе и столичные благотворители - аристократы, можетъ-быть, гораздо болѣе нашего помогаютъ и помогали бѣднотѣ. Но за нами было то преимущество, что мы знали того, кому помогаемъ...

Тамъ бѣдные люди, для которыхъ собираются пожертвованія или устраиваются благотворительные базары, совершенно не существуютъ для благотворителей. Для нихъ бѣдняки — фантастическая туманная масса, прозябающая гдѣ-то внизу подъ ногами... Народъ — живой, умный, добрый и несчастный въ огромномъ большинствѣ своихъ представителей народъ — для нихъ не существуетъ, какъ не существуетъ для городскихъ жителей и чудесная деревенская природа...

А мы знали нашъ народъ... Знали не только потому, что постоянно приходилось вступать лично съ крестьянами въ дѣловыя сношенія, но и потому, что еще чаще случалось помогать имъ — и опять-таки помогать *лично*.

Какая громадная разница въ этихъ двухъ понятіяхъ: «давать деньги» и «помогать»! «Помогать» — значитъ оказывать помощь непременно своимъ собственнымъ личнымъ трудомъ, личнымъ участіемъ въ скорби и тягости того, кому помогаешь. А «давать деньги» — вовсе еще не значитъ помогать: это значитъ, прежде всего, отвязаться отъ упрековъ совѣсти и въ лучшемъ случаѣ — оказать легкую и необременяющую никакимъ безпокойствомъ поддержку первому встрѣчному, котораго не знаешь, о которомъ не болѣеешь сердцемъ и который скоро исчезаетъ изъ памяти и сердца безъ всякаго слѣда. Оттого-то встрѣчнымъ нищими даютъ деньги, а близкимъ и знакомымъ помогаютъ...

Оттого-то и я давала деньги разнымъ мимопроходившимъ нуждающимся, а Марья Басихъ, дочери стараго псаломщика, пѣвшаго нѣкогда басомъ въ крѣпостномъ хорѣ моего дѣда, я должна была помогать.

Нельзя было не помочь ей, когда она, возвратясь съ поля и задавъ наскоро корму свиньямъ, еле-еле добиралась до избы и тамъ давала жизнь своему шестому сыну. Тутъ ужъ не деньги были нужны ей, а тарелка супа да дюжина свивальниковъ и пеленокъ для ребенка, да присмотръ за остальными пятью, чтобы не случилось съ ними какой бѣды. И я шла къ ней со свивальниками и супомъ, помогала ей укладывать ребенка и посылала свою горничную присмотрѣть за остальными марьиными ребятишками. И я и моя прислуга прислуживали Марья, потому что иначе Марья на второй же день встала бы съ постели и пошла бы на рѣчку стирать пеленки...

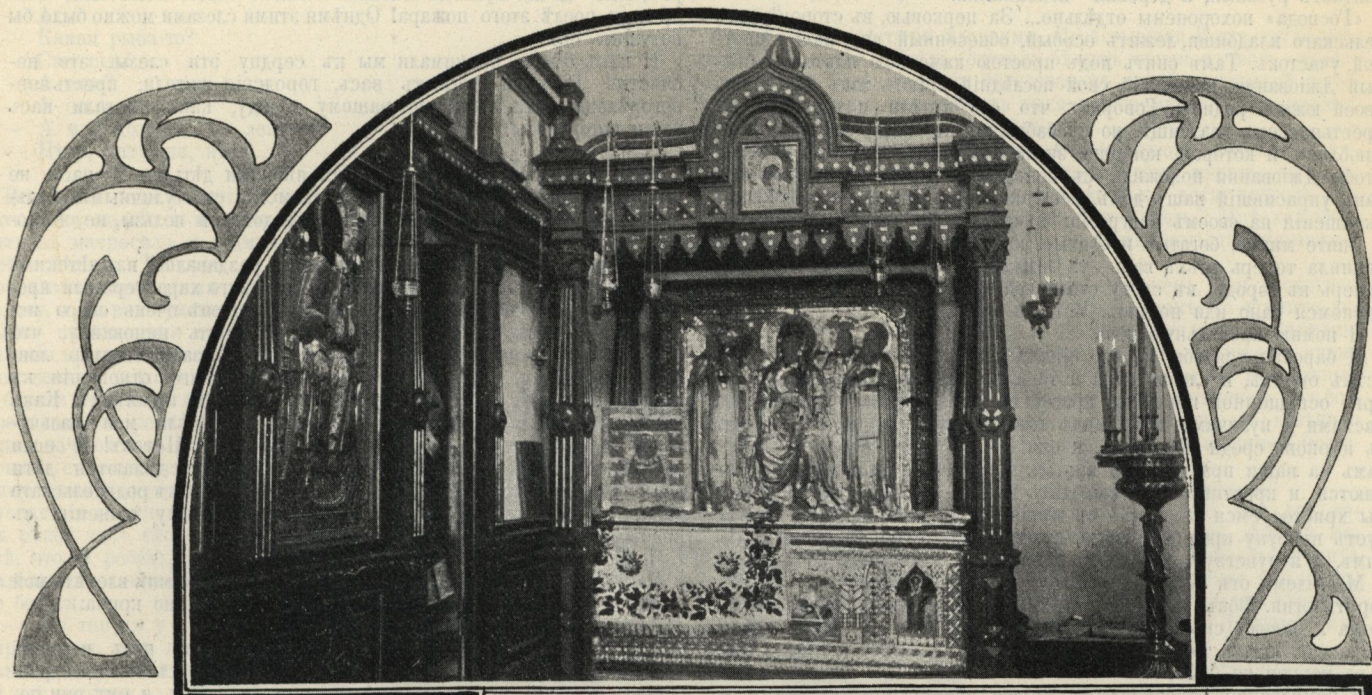
И съ этимъ шестымъ ея сынишкой у насъ завязалось прочное знакомство. Я часто видала его на улицѣ: въ грязной рубашонкѣ, толстый и красный, онъ сидѣлъ на землѣ и копался въ пыли. Увидитъ, бывало, меня и закричитъ отъ радости и засмѣется. А когда сталъ ходить, то, умиротворенно переваливаясь съ ноги на ногу, бѣгалъ за мной и просилъ сахару.

Я помню и ту катастрофу, которая разразилась надъ этимъ мальчуганомъ. Въ деревнѣ у насъ появился дифтеритъ. Шла за околицей старая цыганка и, проходя мимо деревни, какъ-то нехорошо, искоса поглядѣла на нее... Мужики, видѣвшіе это, хотѣли покототить цыганку и уже стали покрывать на нее, но она, какъ и слѣдовало этого ожидать отъ вѣдьмы, вдругъ пропала куда-то, и только столбикъ пыли закрутился по дорогѣ... А въ деревнѣ послѣ этого стала ходить тяжкая дѣтская немочь.

Захворалъ и маринъ парнишка... Марья сдѣлала все, что могла: выпарила его въ банѣ, sprysнула съ уголька, покормила зелеными огурцами съ медомъ и наконецъ прибѣжала ко мнѣ за помощью. Я послала къ ней доктора, но Марья не позволила ему сдѣлать ребенку операцію, и бѣдный Микитка умеръ. И много такихъ Микитокъ умерло тогда съ нами вмѣстѣ за компанію: ежедневно по дорогѣ къ кладбищу тогда везли и несли бѣлые сосновые гробы. Сердце сжималось отъ боли, но чѣмъ могли мы помочь, когда нельзя было добиться болѣе здоровыхъ условій крестьянскаго быта и болѣе значительной врачебной помощи, чѣмъ единственный на весь околотокъ, разрывавшійся на части, земскій врачъ. Когда Микитка умеръ, я послала Марья блиновъ помянуть его — и какъ рада была она этимъ блинамъ! Никакія слова утѣшенія, никакія деньги такъ не облегчили бы ея горя, какъ этотъ вещественный признакъ нашего участія. Она и священника угостила этими блинами и долго радовалась потомъ, что сыночка похоронили по-хорошему — и даже помянули блинками.

Бѣдные Микитки! Какъ много ихъ лежитъ на этомъ кладбищѣ! И не одинъ лишь дифтеритъ заставилъ ихъ тятю и мамку привезти ихъ сюда: грязь, холодъ, недостатокъ молока, жвачка изъ чернаго хлѣба, отсутствіе присмотра, — все это стоить дифтерита!

Печально наше деревенское кладбище: нѣтъ на немъ памятниковъ, и стоятъ одни лишь кресты — черные, покосившіеся, убогіе кресты. А надъ ребятишками и крестовъ нѣтъ. Крестъ — это роскошь. Знаете ли, сколько онъ стоитъ? Цѣлыхъ 75 копеекъ! Не

Рака преподобнаго Стефана
Махрицкаго. По фот. А. Хребтова.

Прибытіе крестнаго хода изъ гор. Александрова.
По фот. А. Савельева.

Махрицкій монастырь.
По фот. А. Савельева.

Празднованіе 500-лѣтія со
дня кончины преподобнаго
Стефана Махрицкаго.

У монастырской обители.

смѣйтесь! Это большія деньги... Это стоимость тяжелого труда, пота и слезъ, а иногда и болѣзни от непосильной работы. Городъ считается рублями, а деревня—копейками!..

«Господа» похоронены отдѣльно... За церковью, въ сторонѣ отъ сельскаго кладбища, лежитъ особый, обнесенный чугунной рѣшеткой, участокъ. Тамъ спитъ подъ простою каменною плитой и бѣдный Джованни, нашедшій свой послѣдній пріютъ такъ далеко отъ своей южной родины. Говорятъ, что его хотѣли похоронить на крестьянскомъ кладбищѣ, но прабабушка, въ которую онъ былъ влюбленъ и которая, конечно, знала объ этомъ, настояла на томъ, чтобы Джованни положили «съ господами». Но бѣдный итальянецъ, такъ украсившій нашъ домъ, все-таки не получилъ ни малѣйшаго украшения на своемъ надгробіи: простая плита—и больше ничего.

Спите мирно, богатые и бѣдные, крестьяне и господа! Земля соединила теперь всѣхъ васъ—та земля, отъ которой мы бѣжимъ теперь въ городъ, въ суету столичной жизни, но въ которую всѣ вернемся рано или поздно... Всѣ, до единого!..

Я помню пасхальную ночь.

И барская усадьба, и село сияютъ огоньками. Огни горятъ во всѣхъ окнахъ, и словно одна и та же рука зажгла всѣ ихъ. Предъ ярко освѣщенной церковью прямо на землѣ лежатъ узелки съ пасхами и куличами; и на нихъ тоже горятъ огоньки. Мы идемъ въ церковь среди крестьянъ, и они съ любопытствомъ смотрятъ тамъ на наши праздничныя платья. А когда царскія врата растворяются, и крестный ходъ выходитъ вмѣстѣ съ народомъ наружу, мы христосуемся съ нимъ—съ мужиками и бабами. Мнѣ кто-то суеетъ въ руку крашеное яйцо, кто-то наклоняется къ моимъ дѣтямъ, и я чувствую, что этотъ кто-то—мой братъ, мой ближній.

Мы идемъ отъ заурени домы, и я смотрю, вездѣ ли въ избахъ горятъ огни. Вонъ у Максатихъ темно: не заболѣла ли она опять. Дома я навожу справку, и оказывается, что она въ самомъ дѣлѣ плоха. А, кромѣ того, у Петровыхъ сегодня сидятъ всѣ безъ ѣды и въ церкви не были.

И немедленно отправляются пѣлая корзины съ куличами и яйцами и къ старой Максатихѣ, и къ Петровымъ, и къ Вавилѣ-кузнецу. И черезъ часъ огни горятъ уже вездѣ. Нигдѣ нѣтъ темныхъ оконъ, нигдѣ нѣтъ темныхъ сердецъ. Темно только небо, но и на немъ столько сияетъ звѣздъ, что оно кажется ветхимъ и тонкимъ пологомъ, еле прикрывающимъ великій свѣтъ скрывающагося за нимъ вѣчнаго царства правды и мира и братской любви...

И кажется намъ, что у насъ уже наступаетъ это царство! И кажется мнѣ, что мы и деревня братски любимъ другъ друга.

Лѣтняя ночь.

Еще съ вечера собирались грозовые тучи, и вотъ теперь онѣ разразились тяжелой, июльской грозой. Илья-пророкъ катается по небу на своей колесницѣ и поражаетъ огненными стрѣлами дьявола. Дѣти мои спятъ тревожно, и я не могу оставить ихъ и пойти на балконъ посмотреть на грозную картину «гнѣва Божьяго». Вѣтеръ свиститъ въ саду, бѣшено трепля липы и тополи... Дождя все нѣтъ и нѣтъ, а молнія то и дѣло раскрываетъ свои огненные взгляды, и громъ—сухой, жестокой громъ—раскатывается надъ крышей и сотрясаетъ наши огромныя, старинныя окна.

Не спать прислуга... Не спать и крестьяне. Намедни сожгло грозой село Пустобасово въ пяти верстахъ... Не случилось бы и у насъ чего-нибудь! Тогда тоже всю ночь не спали, глядя на зарево, крестясь и плача.

«Святъ, святъ, святъ...»

И вдругъ короткій, рѣзкій ударъ... Синеватый огонь молніи, казалось, вспыхнулъ во всѣхъ углахъ комнаты... А вслѣдъ затѣмъ глухой далекий крикъ, заглушаемый воемъ вѣтра и грохотомъ бури: — Гори-и-тъ!..

Я кидаясь на балконъ. Такъ и есть: надъ домами алѣетъ красное клубящееся зарево. Нѣсколько минутъ спустя раздается неровный, торопливый звонъ набата съ нашей колокольни. Огонь разрастается, и вмѣстѣ съ нимъ разрастаются глухіе крики. Боже мой! Все село занимается! Воплъ растетъ съ неудержимой силой... Кричатъ люди, мычатъ скотъ, воютъ собаки... Словно лавина криковъ несется по улицамъ... А дождя все нѣтъ... Рѣзкія вспышки молніи все мигаютъ и мигаютъ своимъ ослѣпительнымъ блескомъ, громъ все грохочетъ...

У насъ имѣется маленькая пожарная машина. Ее быстро запрягли, и вотъ она уже грохочетъ, летя во весь опоръ къ пожару. Изъ сосѣдняго села тоже везутъ машину, но помощи все-таки мало, мало!.. Заливаютъ огонь молокомъ, квасомъ, а огонь все растетъ! Свѣтло, какъ днемъ!

У насъ на дворѣ суматоха. Крестьяне тащатъ къ намъ пожитки: у насъ, за деревьями, тихо и безопасно отъ огня. Успокоивъ дѣтей, я иду на дворъ, гдѣ громоздятся тѣлги, узлы, сундуки, кровати, утварь, гдѣ тѣснится вмѣстѣ съ людьми и скотъ. Какая паника! Какой плачъ! Я и моя прислуга забираемъ ребятшекъ и тащимъ ихъ въ нашу кухню, успокаиваемъ, одѣваемъ... Большинство выскочило изъ избъ почти неодетыми.

Наконецъ начинается ливень. Гроза проходитъ, а дождь усиливается; словно пѣлые потоки льются съ небесъ. Наскоро собираемъ крестьянскую утварь и пожитки со двора и тащимъ ихъ по грязи и подъ дождемъ въ комнаты, въ амбаръ...

Мы не спимъ всю эту ночь. Не я одна, но и мужъ, и мои дѣти—всѣ принимаемъ участіе въ погорѣльцахъ. Въ такое время связь наша съ деревней особенно сильно даетъ чувствовать себя.

Утромъ мы узнаемъ, что половина села выгорѣла. Сгорѣло много скота: коровъ, овецъ, и, къ несчастью, сгорѣла маленькій грудной ребенокъ—дочка кузнеца Вавилы. Сколько слезъ, Боже мой, было пролито послѣ этого пожара! Одними этими слезами можно было бы потушить его!

И какъ близко принимали мы къ сердцу эти слезы, это несчастье! Такъ ли трогаютъ васъ, городскіе жители, крестьяне-погорѣльцы, блуждающіе по вашему городу, какъ трогали насъ наши погорѣльцы?

Мои дѣти росли вмѣстѣ съ крестьянскими дѣтьми. У насъ не принято было оберегать ихъ отъ знакомства съ «уличными мальчишками». И, право же, ничего, кромѣ добра и пользы, не вышло изъ этого!

Правда, иной разъ у насъ въ гостиной раздавались изъ дѣтскихъ устъ нѣкоторыя словечки несомнѣнно салоннаго характера или проявлялись нѣкоторыя несалонныя манеры, но онѣ очень скоро исчезали изъ обихода; мнѣ стоило только внушить виновнику, что такъ говорить или дѣйствовать не годится. А зато сколько ловкости, стойкости, смѣлости, сколько практическаго отношенія къ жизни почерпала моя молодежь отъ маленькихъ крестьянъ! Какъ много истинныхъ товарищескихъ чувствъ пріобрѣли мои мальчуганы, находясь въ компаніи Степокъ, Ванекъ и Петекъ! И если они не сдѣлались эгоистами, какими неизбѣжно дѣлаются дѣти обезпеченной семьи, растущія въ четырехъ стѣнахъ родительскаго дома, то этимъ они обязаны исключительно своему общенію съ крестьянскими дѣтьми.

Я живо помню такой случай.

Какъ-то однажды лѣтомъ вдругъ въ комнату ко мнѣ влетѣлъ мой младшій мальчикъ, зажимая рукой глазъ и отчаянно крича:

— Ой, глаза нѣтъ! Ой, глаза нѣтъ!..

Я испугалась ужасно... Но оказалось, что глазъ цѣль и лишь просто побитъ. На мои разспросы пострадавшій съ плачемъ рассказалъ, что онъ игралъ съ ребятшками въ войну, и ему они попали въ глазъ «гранатой», то-есть кускомъ сухой земли. Я, грѣшнымъ дѣломъ, разсердилась на озорниковъ и рѣшилась пожаловаться ихъ родителямъ.

Но мой мальчуганъ, промывъ глазъ и утеревъ слезы, вдругъ строго заявилъ:

— Ты не должна этого дѣлать! Это нечестно!

— Почему это?

— Потому что мы сообща сражались... Я тоже могъ попасть кому-нибудь въ глазъ!

И полчаса спустя мой раненный уже опять находился въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Петьками и Семками. Они уѣхали на островъ рыбачить, и, когда я съ берега потомъ звала свою дѣтвора обѣдать, мои мальчуганы отвѣтили оттуда лаконическимъ извѣстіемъ:

— Мы сами себѣ обѣдъ сварили! Сама иди къ намъ обѣдать, коли хочешь!

Такъ выработали они въ себѣ уже тогда удивительную для нашихъ «господскихъ» дѣтей самостоятельность и самостоятельность. И опять-таки благодаря тому, что росли вмѣстѣ съ крестьянскими дѣтьми, которымъ съ раннихъ поръ приходится существовать слишкомъ самостоятельно...

Не мало давали и они со своей стороны крестьянскимъ дѣтямъ. То, что узнавали мои дѣти въ домѣ, чему учились у гувернантки, у учителя, у отца, у меня—всѣ эти свѣдѣнія немедленно дѣлались достояніемъ ихъ деревенскихъ товарищей. Выработанныя нашимъ интеллигентнымъ обществомъ взгляды, понятія—передавались нашимъ дѣтямъ, а черезъ нихъ—деревнѣ... Деревня проникалась понемножку тѣмъ истиннымъ свѣтомъ образованія, который куда какъ трудно вводить въ нее сызвнѣ!..

Родная земля! Родная природа!

Мы жили съ ней тѣсно и дружно. Такъ же тѣсно и дружно, какъ и съ народомъ. Наша усадьба стоитъ на берегу Волги; въ пяти верстахъ большая пароходная пристань, гдѣ лѣтомъ кипитъ своеобразная, бойкая жизнь. А на той сторонѣ рѣки огромный казенный лѣсъ, а на островѣ у нашего берега заливные луга, поросшіе лознякомъ. Боже мой, какое приволье кругомъ! Изъ оконъ нашихъ комнатъ на далекое пространство свѣтлѣетъ лазурь огромной, пышной рѣки, по которой тихо плывутъ величественныя бѣланы и бойко бѣгутъ пассажирскіе пароходы. Я люблю смотрѣть на нихъ. Я такъ же люблю ихъ, какъ и мои дѣти, которые знаютъ каждый пароходъ «въ лицо» и «по голосу». А въ особенности люблю я смотрѣть на нихъ рано по утру, когда рѣка только-что освобождается отъ тумана, и пароходы, словно бѣлые лебеди, выплываютъ изъ его дымки и гулко стучатъ въ тишинѣ своими колесами.

А какъ хороша рѣка въ лунную ночь! Словно расплавленное серебро, катитъ она свою широкую гладь. Вдали сияютъ цвѣтныя созвѣздія плывущихъ судовъ и пароходовъ и длинными дрожащими огненными иглами отражаются въ свѣтлой водѣ. Словно серебряная дымка покрыла весь воздухъ, и такъ тихо, такъ сладко-тихо кругомъ! Слышно, какъ журчатъ серебрянымъ звономъ ручьи подъ горой, какъ скрипитъ гдѣ-то на берегу коростель. Гдѣ-то вдали звенитъ свистокъ парохода, а за воротами жена нашего лавочника переключается съ рыбакомъ Ефимычемъ, который взбирается на гору съ рѣки:

— Степанъ Ефимычъ, рыба есть?
 — Есть!
 — Какая?
 — Ась?
 — Какая рыба-то?
 — Стерлядь!
 — А еще?
 — А еще никакой!
 — А мнѣ хотѣлось бы леща-а!
 — Нѣту, матушка, нѣту!..

Все наше село живетъ Волгой. Рѣка накладываетъ свою печать и на людей, и на ихъ обстановку. Крестьяне рыбацать, ходить въ матросахъ и лоцманахъ, нанимаются на постройку баржей и бляны. Въ селѣ въ нѣкоторыхъ домахъ вмѣсто крылецъ приделаны пароходныя рубки и пароходныя лѣсенки. Лодокъ и на берегу, и на водѣ умопомрачительное количество. Слово огромныя рыбы, вытащенные на берегъ, лежать онѣ тамъ, растянувъ свои пласкія просмоленные тѣла на песокъ. Онѣ качаются длинными вереницами у берега и служатъ любимымъ мѣсто-пробываніемъ ребятишекъ. Ребятишки и качаются на нихъ, и купаются, прыгая съ нихъ въ воду, и ловятъ около нихъ мелкую рыбешку. А не то пускаются на нихъ и въ плаваніе. Съ рѣкой такъ тѣсно сжились у насъ все, что за ребята, даже за самыхъ маленькихъ, никто въ этомъ случаѣ не боится.

— Не тонуть у васъ ребята-то?— спрашивалъ разъ при мнѣ Ефимыча какой-то провѣзкій охотникъ, глядя на эту картину.

— Нѣтъ, не тонуть будто! Надо бы утонуть, да, вишь, ничего имъ не дѣлается!

Этою же любовью къ рѣкѣ проникнуты и мои дѣти, и я, и все мы. Никто изъ насъ никогда не боялся рѣки. Не боялись мы ни простуды, ни сырости, и оттого мы, особенно дѣти, лѣтомъ положительно болѣе жили на рѣкѣ и въ лѣсу. Нужды нѣтъ, что мокли подъ дождемъ, ночевали иной разъ въ рыбацкомъ шалашѣ, питались весь день однимъ чернымъ хлѣбомъ и картошкой. Зато какія картины видали мы; какъ часто любовались мы восходомъ солнца, какъ близко и хорошо знакомы мы съ лѣсомъ, съ полемъ, съ нашей чудесной русской природой, въ блѣд-ныхъ и мягкихъ тонахъ которой такъ много разлито тихой, почти материнской кротости и ласки.

Родной народъ, родная земля! Неужели навсегда порваны связи, соединявшія насъ съ тобою?

Недавно я была очень тронута рѣчью старика Ефимыча. Онъ уже очень старъ, даже не помнитъ въ точности, сколько ему лѣтъ. При немъ пошли первые пароходы, а когда Россія стала воевать съ туркой, онъ былъ уже почти старикомъ.

— Эхъ, старость не радость!— разсуждалъ онъ самъ съ собою, подымаясь на берегъ. — Все тѣло расшаталось; все кленки расползлись!.. Кости стонуть подъ вѣтромъ... Вотъ, матушка-барыня, продолжалъ онъ, увидѣвъ меня: — лодку сейчасъ втаскивалъ на зимовку. Больно стара лодка: увидалъ, какъ стара она, и о себѣ вспомнилъ. И я, и лодка моя состарились. Знать, не долго намъ на бѣломъ свѣтѣ жить! Я умру, да и ей не жить. Умру я—и ее на щепки изрубятъ. Изрубятъ лодку на щепки и баню щепками истопятъ. Баню истопятъ—меня помянутъ!

Вотъ она—связь человѣка съ тѣмъ, чѣмъ онъ жилъ, что было около него! И у меня такая же тѣсная связь съ родной землей, съ роднымъ домомъ. И знаю я, что послѣ насъ съ нашимъ домомъ, съ нашимъ помѣстьемъ случится то же самое, что съ лодкой Ефимыча: ихъ тоже «изрубятъ въ щепки» и «истопятъ ими баню». Вотъ только помянутъ ли насъ при этомъ?

Чемоданы уложены. Завтра мы уѣзжаемъ!

Какъ сжимается мое сердце! Уѣзжая изъ родного помѣстья, покидая родную землю, мы словно вырываемъ при этомъ наши корни, которыми глубоко росли въ нее. И какъ больно вырывать ихъ!

Снѣгъ валитъ густыми хлопьями. Незастывшая Волга глухо шумитъ подъ горой. Снѣгъ окуталъ бѣлымъ туманомъ всю окрестность, мутно бѣлѣющую въ бѣлосоватомъ свѣтѣ невидимой луны. И изъ этого тумана выплываютъ тысячи воспоминаній, возникаютъ родные образы, картины прошлаго.

Воспоминанія тѣнятся кругомъ. Они слѣдуютъ за мною по патамъ, врываются въ каждую дверь. Старый домъ живетъ, дышитъ, трепещетъ взятою отъ насъ нашею жизнью, хотя кругомъ все пусто, и дѣти уѣхали отсюда недѣлю тому назадъ. Мнѣ кажется, я слышу, какъ бѣгаютъ снизу вверхъ по лѣстницамъ дѣтскія ножки. Веселый смѣхъ звенитъ гдѣ-то вдаль.

А вотъ вижу я, какъ умираетъ мой первенецъ, моя крохотная дочурка. Такъ же валитъ снѣгъ за окномъ, такъ же шумятъ деревья, но стѣны дома не стоятъ, какъ теперь, голыми и пустыми.

На одной изъ стѣнъ видѣется икона Божьей Матери, мой вѣнчальный образъ—и я съ отчаянною мольбою кидаюсь предъ нимъ на колѣни и плачу, плачу отъ невыносимой, невозможной боли:

— Спаси ее, сохрани ее!!

Старый домъ видѣтъ это; онъ видѣлъ, какъ унесли изъ дѣтской маленький бѣлый гробикъ, и до сихъ поръ помнитъ мои стоны, мой плачъ. И до сихъ поръ мои рыданія звучатъ еще въ его стѣнахъ. Я слышу ихъ сейчасъ!

Мы покидаемъ эти родныя стѣны. Мы покидаемъ землю. Мы покидаемъ деревню.

Мы уходимъ изъ нея, оставляя ее съ прежними ея горестями, со смертностью дѣтей, съ нищетой, съ пожарами, съ зависимостью крестьянъ отъ мірофдовъ. Мой мужъ нерѣдко защищалъ бѣдняковъ отъ этихъ «чума-ыхъ», вооруженныхъ разными юридическими орудіями — закладными крѣпостями, неустоечными записями, векселями и пр. Крестьянинъ темень и слѣпъ въ юридическихъ дѣлахъ. Деревня нуждается въ адвокатѣ не менѣе сильно, чѣмъ и въ докторѣ. Впрочемъ, въ чемъ только она не нуждается?..

И представляются мнѣ все наши деревенскіе знакомцы. Они стоятъ толпами кругомъ и съ грустными взглядами, съ поникшими головами посылаютъ намъ нѣмой упрекъ:

— Куда вы идете отъ насъ, бѣглецы?

Да, бѣглецы отъ родной земли, бѣглецы и измѣнники ей, предатели, продавшіе ее со всеми живыми

людьми и живыми воспоминаніями на сломъ, на щепки чумазому лѣсопромышленнику Китаеву!..

Онъ обдеретъ мраморъ въ залѣ и продастъ его. Онъ выколупаетъ паркетъ и тоже продастъ его. Онъ вынетъ колонны съ чудными капителями, и ужъ, право, не знаю, что онъ съ ними сдѣлаетъ. Онъ срубитъ рошу и продастъ ее въ Парижъ на лѣсную биржу. Онъ обдеретъ, выжметъ своими цѣпкими заскорузлыми пальцами всю нашу землю, высосетъ всю ее кровь и построитъ на ней заводъ, а грязь и нечистоты и нефть съ него будетъ спускать въ Волгу, отравляя все село. Онъ закабалитъ своими неустоечными записями и закладными крѣпостями все наше село и пуститъ по міру и внучку рыбака Ефимыча, и Марью Басиху, и сотни другихъ.

А мы уже никогда не вернемся сюда. Неужели же никогда? О, родная земля! Я прошу у Бога прощенія за нашъ грѣхъ предъ тобой и только одной милости: когда придетъ мой часъ лечь въ тебя, то пусть Богъ дастъ мнѣ возможность лечь не въ чужомъ краю, а на наше кладбище, надъ Волгой, гдѣ спятъ непробуднымъ сномъ наши братья-крестьяне, гдѣ спитъ моя дочурка и Марьянь сыпочекъ, и гдѣ чернѣютъ надъ зеленой травой темные кресты!

Механическое (вибраціонное) кресло, предохраняющее отъ морской болѣзни.

Морская болѣзнь.

(Рис. на этой стр.)

На морскую болѣзнь смотрятъ обыкновенно, какъ на неприятное, но очень легкое, невинное страданіе, такъ какъ оно не влечетъ за собою никакихъ вредныхъ послѣдствій. Принято даже подшучивать надъ тѣми, кто подверженъ этой болѣзни,—а подвержены ей

почти все, за исключеніемъ моряковъ, такъ называемыхъ «морскихъ волковъ», проводящихъ на морѣ большую часть своей жизни.

Морская болѣзнь представляетъ собою весьма интересную фیزیологическую проблему, рѣшить которую удалось лишь въ самое

Первый памятникъ воинамъ, павшимъ въ русско-японскую войну, на братской могилѣ въ Харбинѣ.

последнее время. Симптомы, характеризующіе эту болѣзнь, неопредѣленны и измѣнчивы, а относительно причины, обуславливающей ихъ появленіе, мнѣнія ученыхъ сильно расходились.

Морская болѣзнь, какъ извѣстно, поражаетъ людей въ то время, когда судно, на которомъ они ѣдутъ, испытываетъ болѣе или менѣе сильную качку; интенсивность качки и связаннаго съ нею страданія зависитъ и отъ величины волнъ, и отъ направленія, по которому онѣ двигаются, и отъ силы вѣтра, и отъ величины судна. Направленіе волнъ обуславливаетъ собою форму качки, которая бываетъ либо боковой, либо носовой; боковая качка, по общему мнѣнію, скорѣе и въ болѣе рельефномъ видѣ вызываетъ картину болѣзни, чѣмъ носовая. Величина судна тоже играетъ не послѣднюю роль: чѣмъ оно больше и чѣмъ глубже сидитъ въ водѣ, тѣмъ въ общемъ менѣе ощутительна качка, которую оно испытываетъ.

Симптомы морской болѣзни общеизвѣстны: каждому, кто хоть разъ ѣздилъ по морю въ бурную погоду, знакомо то непріятное ощущеніе, которое характеризуетъ начинающіе приступы морской болѣзни. Прежде всего чувствуется какое-то непонятное душевное угнетеніе; аппетитъ сразу пропадаетъ, появляется тошнота, затѣмъ начинаются мучительные позывы къ рвотѣ, которые, все усиливаясь, доводятъ иногда нервныхъ людей почти до отчаянія.

Морская болѣзнь была извѣстна уже въ глубокой древности, и до послѣднихъ дней объясненія, которыя ей давали, были одно другого фантастичнѣе: научной почвы для этихъ объясненій не существовало, и потому каждый толковалъ эту болѣзнь по-своему. Въ связи съ этимъ находится и тотъ фактъ, что настоящаго, дѣйствительнаго средства противъ морской болѣзни не найдено; правда, существуетъ очень много средствъ, но всѣ они такъ же безпочвенны и гадательны, какъ и объясненія, которыя давались морской болѣзни, а часто прямо противорѣчатъ другъ другу: одинъ, напр., рекомендуетъ, какъ самое дѣйствительное средство противъ морской болѣзни, плотно пообѣдать передъ выходомъ въ море; другой, наоборотъ, утверждаетъ, что пускаться въ путь слѣдуетъ съ пустымъ желудкомъ; третій совѣтуетъ пить въ пути побольше водки и вина, тогда всякая качка ни почемъ; четвертый говоритъ, что, находясь въ открытомъ морѣ, нужно постоянно быть въ обществѣ и, по возможности, развлекаться на свѣжемъ воздухѣ; пятый, наоборотъ, утверждаетъ, что самое лучшее — лежать въ своей каютѣ съ закрытыми глазами и вовсе не выходить на палубу, такъ какъ одинъ видъ волнующагося моря въ состояніи вызвать приступы дурноты и рвоты.

Это разнообразіе средствъ для борьбы съ морской болѣзнью лучше всего показываетъ, что истинная причина ея была людямъ совершенно неизвѣстна. Такъ обстоило дѣло до недавняго времени,

когда изученіемъ морской болѣзни занялся вѣнскій фізіологъ, проф. Крайдль. Цѣлымъ рядомъ экспериментовъ, какъ это видно изъ доклада, прочитаннаго имъ на съѣздѣ естествоиспытателей въ Касселѣ, ему удалось наконецъ поставить вопросъ о происхожденіи морской болѣзни на научную почву и выдѣлить его такимъ образомъ изъ области догадокъ и гадательныхъ предположеній.

Свои эксперименты Крайдль производилъ надъ животными — кошками, птицами и, главнымъ образомъ, голубями, у которыхъ онъ съ помощью очень простаго аппарата вызывалъ типичскіе симптомы морской болѣзни. Аппаратъ представляетъ собою обыкновенную кѣтку, висющую въ воздухѣ на резиновой трубкѣ. Резиновая трубка однимъ концомъ прикрѣплена къ крюку на потолкѣ, другимъ — къ верхней крышкѣ кѣтки. Крайдль сажалъ животныхъ въ эту кѣтку и, подергивая эластичную трубку, на которой она висѣла, раскачивалъ ее такимъ образомъ, что она одновременно дѣлала и горизонтальныя, и вертикальныя движенія, подъ вліяніемъ которыхъ животныя заболѣвали морской болѣзнью. Имѣя постоянно подъ рукою матеріалъ для наблюденій, можно было болѣе увѣренно подойти къ рѣшенію старой проблемы: что лежитъ въ основѣ нервного страданія, именуемаго морской болѣзнью? При взглядѣ на картину болѣзни, невольно является предположеніе, что причина ея кроется въ своеобразномъ раздраженіи желудка, проявляющемся въ рвотѣ, тошнотѣ и т. д. Опыты показали однако, что желудокъ тутъ ни при чемъ, хотя ему и принадлежитъ наиболѣе замѣтная страдательная роль. Продолжая свои наблюденія, Крайдль наткнулся на чрезвычайно интересный фактъ — именно, онъ открылъ, что первоисточникомъ морской болѣзни является органъ, отправленія котораго до сихъ поръ не выяснены еще въ точности, именно лабиринтъ, одна изъ главныхъ составныхъ частей внутренняго уха.

На это открытіе Крайдля натолкнули слѣдующія соображенія. Извѣстно, что есть категория людей, которые никогда морской болѣзнью не страдаютъ. Это — глухонѣмые, глухота которыхъ обуславливается пораженіемъ внутреннихъ центральныхъ органовъ слуха, а не вѣншимъ заболѣваніемъ уха. Далѣе, на основаніи многихъ наблюденій, ученые пришли къ заключенію, что лабиринтъ, особенно полукруглые ходы его, представляютъ собою тотъ органъ, гдѣ заложенъ центръ равновѣсія у животныхъ. Пораженіе или нервное расстройство этого органа, какъ показали опыты, ведетъ къ тому, что животное навсегда или временно теряетъ способность держать свое тѣло въ равновѣсіи. Исходя изъ того положенія, что во время сильной качки на морѣ сохранить равновѣсіе вообще довольно трудно, Крайдль и пришелъ къ заключенію,

Къ 100-лѣтію дня рожденія А. А. Иванова. Надгробный памятникъ художнику на кладбищѣ Новодевичьяго монастыря въ Петербургѣ. По фот. С. Попова арт. «Нивы».

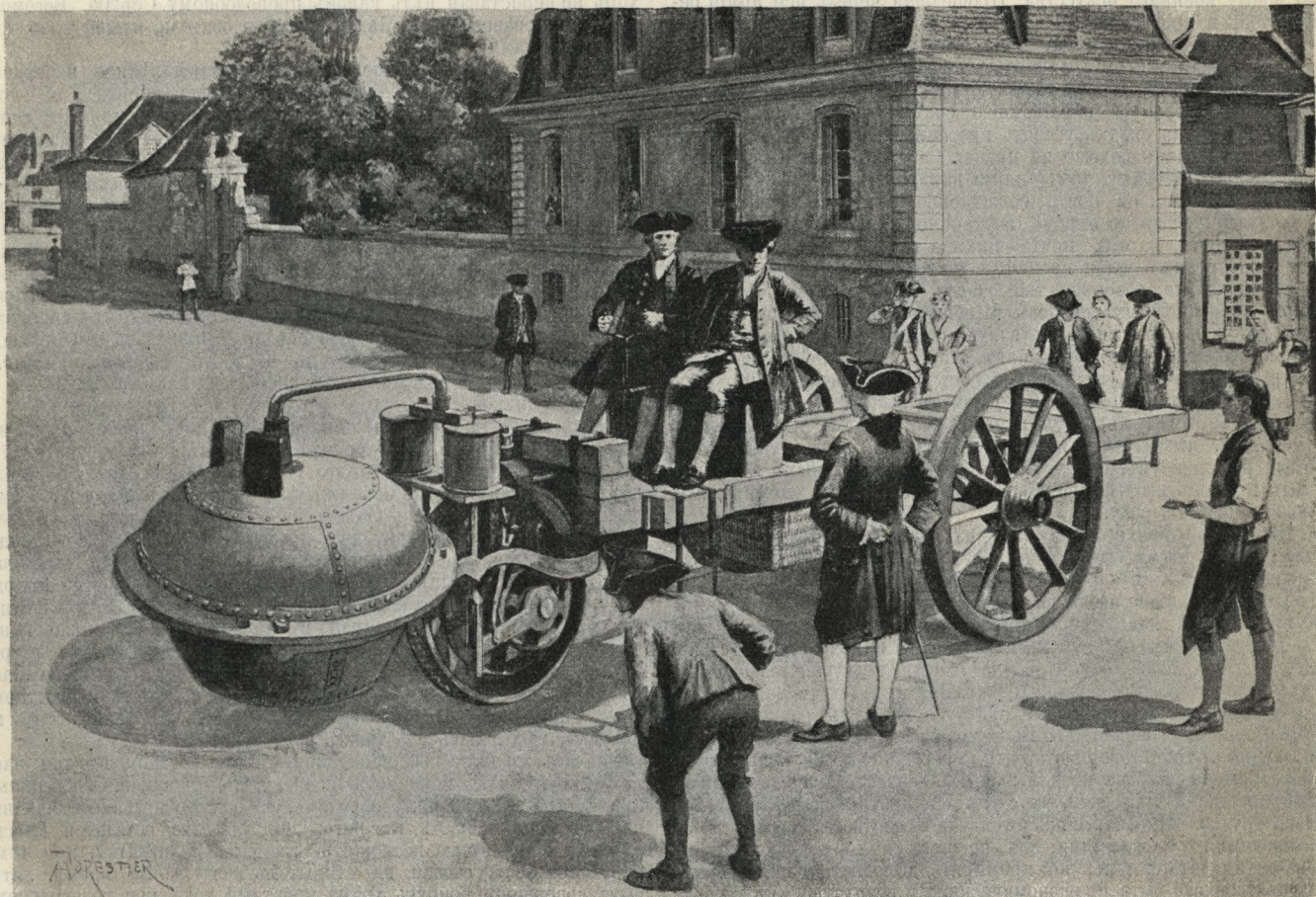
что, по всей вероятности, следствием этого должно быть известное расстройство в отправлениях лабиринта, в свою очередь вызывающее общее нервное недомогание, проявляющееся в типичных симптомах морской болезни. Чтобы проверить этот вывод, Крайдль сдѣлалъ слѣдующій экспериментъ: онъ удалялъ лабиринтъ частью или полностью изъ внутренняго уха у нѣкоторыхъ животныхъ и убѣждался на опытъ, что эти животные дѣлались нечувствительными къ морской болѣзни; какъ бы сильно ни раскачивали клетку, въ которой они заперты, все равно, вызвать у нихъ обычные признаки морской болѣзни не удается. Съ другой стороны, опытами, произведенными Крайдлемъ, установленъ тотъ фактъ, что нервное состояніе желудка есть следствие, но не причина морской болѣзни.

Такъ, былъ произведенъ слѣдующій экспериментъ: чтобы устранить тотъ факторъ, которому раньше приписывали такое важное значеніе въ возникновеніи морской болѣзни—нервное состояніе же-

Антимилитаризмъ на Западѣ.

(Политическое обозрѣніе).

Одно изъ интереснѣйшихъ явленій послѣдняго времени представляетъ собою космополитическо-революціонное движеніе антимилитаризма. Оно свило себѣ прочное гнѣздо во Франціи, въ Бельгіи, въ Италіи и Швейцаріи. Если Германія временъ Бисмарка и Мольтке была родиной современнаго милитаризма, то Франція нашихъ дней можетъ по праву называться духовною родиною какъ разъ противоположнаго движенія. Въ Парижѣ, въ центрѣ самыхъ крайнихъ интернаціонально-соціалистическихъ организацій, сложился и окрѣпъ наиболѣе рѣзкій протестъ противъ всего, что выросло изъ деспотическаго генія «жѣлѣзнаго канцлера». Въ Германіи появляется время отъ времени немало обличительныхъ книгъ, раскрывающихъ обществу весь гнетъ и всю тяжесть дѣйствующей военной организаціи, но замѣчательно, что нѣмецкіе протестанты

Первый автомобиль (1770 г.). По фот. авт. «Нивы».

лудка.—перерѣзывали животному всѣ желудочные нервы; тѣмъ не менѣе животное оставалось такъ же чувствительнымъ къ морской болѣзни, какъ и до этой операціи.

Такимъ образомъ не остается никакого сомнѣнія, что истинная причина морской болѣзни кроется въ особомъ болѣзненномъ состояніи, которому подвергается одинъ изъ органовъ внутренняго уха—лабиринтъ*).

Опыты Крайдля интересны лишь съ теоретической точки зрѣнія; практическаго значенія они имѣть не могутъ, потому что, устанавливая истинную причину заболѣванія, они вмѣстѣ съ тѣмъ не въ состояніи дать рациональное средство для леченія его: лабиринтъ—составная часть внутренняго уха—недоступенъ никакому внѣшнему воздѣйствію, и вліять на его функціи лѣкарственнымъ путемъ нельзя.

Но пылливость ума человѣческаго неисчислима. Если нѣтъ средствъ противъ морской болѣзни въ обширной современной фармакопее, то нельзя ли ихъ обрести въ техникахъ судостроенія? Оказывается возможно. Мы даемъ на стр. 491 настоящаго нумера рисунокъ механическаго, такъ-называемаго «вибраціоннаго», кресла отъ морской болѣзни, подробное описаніе котораго наши читатели найдутъ въ «Литер. Прилож.» къ «Нивѣ» за іюнь мѣс. с. г. на стр. 311—312, въ отдѣлѣ «Смѣси».

* Фактъ, что органъ слуха играетъ роль при заболѣваніи морской болѣзью, былъ, повидимому, извѣстенъ въ глубокой древности. Одиссей, во время своихъ скитаній по морю, какъ передаетъ Гомеръ, приказывалъ своимъ спутникамъ заливать уши воскомъ, чтобы не страдать отъ морской болѣзни, но въ какой степени эта мѣра оказывалась полезной, неизвѣстно.

не идутъ дальше чисто бытовыхъ обличеній. Они отрицаютъ не самую систему вооруженной самозащиты націи, а только тѣ или иные внутренніе недостатки этой системы, суровость военной дисциплины, непосильную тягость службы, недобросовѣстность фельдфебелей, грубость офицерскаго состава и т. д. Французскіе писатели, напротивъ, совершенно не останавливаются на мелочахъ и ведутъ борьбу противъ самаго бытія арміи.

Первыя попытки такой проповѣди, несмотря на гарантированную законами республики полную свободу устнаго и печатнаго слова, вызвали во Франціи суровыя гоненія противъ проповѣдниковъ. И авторы, и издатели антимилитаристскихъ сочиненій были привлечены къ суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей и приговорены представителями общественной совѣсти къ тяжелымъ наказаніямъ, соответствующимъ нашимъ каторжнымъ работамъ. Процессъ антимилитаристовъ обнаружилъ крайне враждебное отношеніе къ нимъ всего французскаго общества, но тяжесть понесенной кары, разумѣется, не могла разубѣдить пламенно убѣжденныхъ людей. Несмотря на столь благоприятныя условія, какъ широкая огласка судебного процесса, а также идейное мученичество первыхъ провозвѣстниковъ, ученіе антимилитаризма не получило широкаго распространенія во Франціи. Оно остается пока чисто кружковымъ, не разливается въ массахъ, не приобретаетъ политическаго значенія и ни малѣйшимъ образомъ не отражается на общемъ ходѣ государственной и общественной жизни Франціи. Да и немудрено: Франція еще слишкомъ помнитъ пережитые ею ужасы неприятельской нашествія и опасности новаго повторенія ихъ, неоднократно угрожавшія ей съ того времени по разнымъ дипломатическимъ поводамъ и предлогамъ, а нѣрѣдко даже и безъ всякихъ предлоговъ. Она предотвращала новыя нападенія от-

части заботами о возрождении армии, отчасти робкими уступками требованиям грозных сослуживцев, отчасти же системой союзов и соглашений с более сильными державами.

Зато Швейцария, охраняемая нейтралитетом, сумевшая на практике слиться в одном государственном организме три национальных элемента, Бог встать сколько времени не обнажившая меча на свою защиту, чуть не специально живущая наездами туристов, — вся целиком отдалась во власть мечты и до безумия увлеклась проповедями французских антимилитаристов. Они требуют полного упразднения постоянного войска с заменой его милицией, т. е. всеобщим вооружением. Современная армия со времени введения всеобщей воинской повинности в сущности и представляет собою не что иное, как вооруженный народ, тем более, что во всех передовых странах в интересах увеличения кадров срок службы понижен до 2-х лет. По мнению военных специалистов, два года представляют собою тот минимум, в течение которого средний гражданин может пройти обязательную школу военного искусства. Прошедшая через нее армия резервистов и призывных и будет, строго говоря, тою же милицией, но обученною военному делу, усвоившему его сложную технику, тогда как милиция, лишенная такой подготовки, будет представлять собою просто вооруженную толпу, не привыкшую к порядку, не слитую дисциплиною совместных действий. Она едва ли будет в силах устоять против натиска регулярной армии. Все это очень похоже на правду, но так как Швейцария, огражденная нейтралитетом, никто нападениям не угрожает, то практически армия ей почти совершенно не нужна. Она несет там службу только по охране внутреннего порядка страны против покушений партий, мечтающих о социальном перевороте. Антимилитаризм слился в ней с воинствующим социализмом. Несмотря на все совершенствование своих политических форм и полноту всевозможных свобод, Швейцария в то же время представляет собою глубоко-буржуазную страну, ревниво оберегающую привилегии господствующего класса. На этой-то почве и разыгрывается вся история борьбы с антимилитаристами. Для обуздания социалистической проповеди в войсках, федеральный совет в 1904 году провел карательный закон, но оппозиция потребовала, чтобы был произведен опрос народа, так-называемый референдум, и так как народ громадным большинством голосов высказался против нового закона, то он даже и не вступил в силу.

Столь резкое расхождение выборного правительства со страной подготавливает в будущем еще более опасные столкновения правящих классов с народом. Железа упорить свое положение, федеральный совет вновь вносит закон об ограждении армии от пропаганды, еще более жестокий, карающий за «подстрекательство к совершению поступков, наказуемых как нарушение воинского долга», даже в том случае, если подстрекательство не оказало никакого воздействия. Буржуазия, господствующая в выборном федеральном совете, надеется на этот раз получить одобрение и на референдум. Быть-может, ей и удастся добиться победы, но вообще говоря отстоять содержание армии, рекрутируемой из сынов народа не для защиты отечества, а для защиты самой правящей буржуазии, в столь демократической стране довольно трудно. Швейцарии придется или пожертвовать своими демократическими учреждениями, или покориться торжеству социализма-антимилитаристов, но примирить демократические формы государственного быта с экономическим и политическим господством буржуазии — задача почти неразрешимая.

500-лѣтіе блаженной кончины преподобнаго Стефана. (Съ 4 рис. на стр. 489).

Одним из ярких сподвижников и учеников преподобнаго Сергія был преподобный Стефанъ, махришскій чудотворецъ. Родился преподобный Стефанъ въ Кіевѣ, гдѣ и принялъ монашество въ Кіево-Печерской обители.

Происки католиковъ заставили его вмѣстѣ съ другими иноками бѣжать въ Московское княжество. Здѣсь, принявъ ласково великимъ княземъ Іоанномъ Іоанновичемъ, онъ поселился въ дѣсу у ручья Махрищи, въ 35 верстахъ отъ нынѣшней Троице-Сергіевой лавры. Слухъ о новомъ пустынножителѣ быстро распространился по окрестностямъ, и къ пр. Стефану стали стекаться иноки — и въ 1358 г. здѣсь была основана обитель. Землю для постройки обители подарилъ одинъ изъ богатыхъ сосѣдей, вскорѣ построившейся самъ подъ именемъ Григорія. Остальные сосѣди опасались, чтобы и ихъ земли не перешли къ монастырю, и грозили убить Стефана, если онъ не уйдетъ отсюда.

Подобныя угрозы заставили пр. Стефана вмѣстѣ съ Григоріемъ удалиться на сѣверъ и основать здѣсь новую обитель Св. Троицы. По желанію вел. князя Дмитрія Іоанновича, онъ возвратился въ Махрищенскую обитель. Здѣсь, принявъ схиму, онъ дожил до глубокой старости. Скончался онъ въ 1406 году. Въ началѣ XVII вѣка обитель была разрушена поляками, но вскорѣ возстановлена.

14 іюля исполнилось 500-лѣтіе со дня его блаженной кончины. Въ память этого дня въ обители сооружено большое зданіе для школы и общежитія для сиротъ-мальчиковъ, а также возобновленъ древній храмъ во имя св. Стефана, построенный еще въ 1555 году, при чемъ къ нему пристроенъ большой алтарь, новый куполь и сооруженъ заново иконостасъ. Въ послѣднемъ реставрированы дра-

гоценныя по своей древности иконы (работы XV вѣка) св. Стефана и св. Николая, равно подновлена и вся древняя утварь храма.

Наканунѣ дня торжественнаго чествованія, 13 іюля изъ Успенскаго собора Свято-Троицкой лавры выступилъ крестный ходъ. Онъ отправился утромъ въ 9 часовъ, съ тѣмъ, чтобы заночевать въ селѣ Воскресенскомъ, отстоящемъ отъ Сергіевского посада въ 20 верстахъ, и на другое утро двинуться дальше.

Чудное зрѣлище представляло это море головъ съ развѣвающимися надъ ними золотыми хоругвями, съ длиннымъ рядомъ иконъ въ золоченныхъ ризахъ, драгоценные камни которыхъ блестяли подъ лучами солнца.

Московское общество хоругвеносцевъ соорудило для принесенія въ даръ Махрищенской обители драгоценныя металлическія вызолоченныя хоругви, украшенныя эмалью.

Прежде чѣмъ отправиться въ путь, у раки св. Сергія былъ отслуженъ напутственный молебенъ. Неумолкаемый звонъ лаврскихъ колоколовъ сопровождалъ крестный ходъ; громадный народный хоръ не переставая пѣлъ канонъ преподобному Сергію. Богомольцевъ, слѣдовавшихъ въ Махрищенскую обитель, нужно было считать десятками тысячъ.

Чудный день еще больше усиливалъ благоговѣйное настроеніе толпы; было душно, жарко, но она бодро шла впередъ, соблюдая изумительный порядокъ. Дорога лежала мимо Геосиманскаго скита, откуда недалеко находится граница Московской и Владимірской губерній. Миновали села: Минково, Дерюзино, Воронино... Вездѣ крестный ходъ встрѣчали колокольнымъ звономъ, мѣстное духовенство съ иконами и хоругвями выходило навстрѣчу и присоединялось, увеличивая все больше и больше число паломниковъ, — толпы крестьянъ изъ селъ тоже вливались въ эту чудовищную человѣческую струю. Въ село Воскресенское, гдѣ назначена была остановка, крестный ходъ прибылъ только около семи часовъ вечера; богомольцы расположились на ночлегъ, гдѣ кто могъ; всѣ луга были покрыты народомъ.

На другое утро, послѣ ранней обѣдни, отправились дальше, снова миновали рядъ селъ и только въ часъ дня достигли обители. Здѣсь, въ свою очередь, ожидали крестный ходъ и идущихъ съ нимъ паломниковъ.

Послѣ литургіи была освѣщена великолѣпная новая рака для мощей преподобнаго, сооруженная на средства благотворителей.

Монастырь съ самаго ранняго утра былъ переполненъ богомольцами, съѣхавшимися изъ окрестныхъ деревень и изъ городовъ Владиміра и Александрова. Обѣдню соборно совершалъ настоятель Олимпій, и только къ часу дня прибыли въ обитель со станціи «Коробаново» московскій митрополитъ Владиміръ съ архіереями и архимандритами и вышли навстрѣчу приближающемуся крестному ходу. Еще издали стали видны золотыя хоругви и пестрыя толпы богомольцевъ, приближающихся къ монастырю, зазвенѣло пѣніе громаднаго народнаго хора, торжественнымъ перезвономъ встрѣтила обитель паломниковъ, и монастырская братія, имѣя во главѣ высшее духовенство и владыку, двинулась на встрѣчу крестному ходу. Синіе кафтаны хоругвеносцевъ, съ ихъ золотыми кистями на поясахъ, выдѣлялись изъ толпы.

Сейчасъ же было совершено краткое молебеніе, въ три часа заблагоустроили къ вечернѣ, а въ 6½ ч. ко всенощной. Обновленный храмъ былъ переполненъ народомъ, но больше половины паломниковъ не могло попасть въ него; для удобства остальной массы, служили еще другую всенощную въ большой палаткѣ, при чемъ всѣ богомольцы стояли на открытомъ воздухѣ. Во время литіи былъ совершенъ вокругъ храма крестный ходъ при колокольномъ звонѣ; по окончаніи службы, въ продолженіе всей ночи у раки преподобнаго совершались молебны.

Торжественное празднованіе 500-лѣтія кончины пр. Стефана закончилось только на другой день.

Первый памятникъ на братской могилѣ въ Харбинѣ. (Съ рис. на стр. 492).

Въ минувшую кампанію Харбинъ былъ средоточіемъ госпиталя, какъ военныхъ, такъ и Краснаго Креста, дворянской, земской и другихъ организацій. Изъ дѣйствующихъ армій больные и тяжело раненые, которые не могли выдержать дальнѣйшей эвакуаціи ни въ Россію, ни въ Николайскъ и Хабаровскъ, доставлялись въ эти госпитали. Естественно, что въ харбинскихъ госпиталяхъ было наибольшее число смертныхъ случаевъ. Умершіе воины предавались землѣ на городскомъ кладбищѣ, которое очень быстро переполнилось, почему городомъ было отведено мѣсто для новаго городского кладбища, расположеннаго по той же дорогѣ, въ разстояніи трехъ верстъ. Однако вскорѣ и на новомъ городскомъ кладбищѣ, на участкѣ, отведенномъ для погребенія воинскихъ чиновъ, было погребено болѣе 2.500 человекъ, и тогда было открыто специальное военное кладбище за госпитальнымъ городкомъ.

Умирало до 40 человекъ въ день. Зимой въ Харбинѣ земля промерзаетъ болѣе чѣмъ на два аршина, и приходилось заготовлять могилы съ осени и въ большынствѣ случаевъ, такъ-называемыя, братскія, то-есть общую могилу для нѣсколькихъ покойниковъ. Командующій войсками Дальняго Востока, желая почтить память усопшихъ воиновъ, приказалъ кладбище привести въ порядокъ. Въ настоящее время работы уже закончены. Кладбище обнесено изгородью изъ столбовъ съ протянутой въ четыре ряда проволокой. При въѣздѣ установлены деревянныя, ажурной работы, ворота, съ вѣданнымъ въ верхней ихъ части образомъ и массивнымъ вызолоченнымъ крестомъ наверху.

Все могилы приведены в должный порядок, кресты окрашены масляной краской, и на каждом прибита жестяная дощечка с именем и фамилией погребенного. Кладбище обсажено деревьями, и разбиты дорожки.

От главных ворот идет широкая главная аллея, разделяющая кладбище как бы на две половины. При входе в эту аллею внимание привлекает грандиозный памятник, поставленный на братской могиле. Памятник представляет ряд набросанных одна на другую гранитных глыб, увенчанных массивным, вытесанным из цельного куска гранита, крестом около 2 аршин вышиною, в который вставлен вызолоченный крест в $\frac{3}{4}$ аршина вышиною. Фундаментом памятнику служить такая же восьмиугольная площадка, выложенная мелким гранитом.

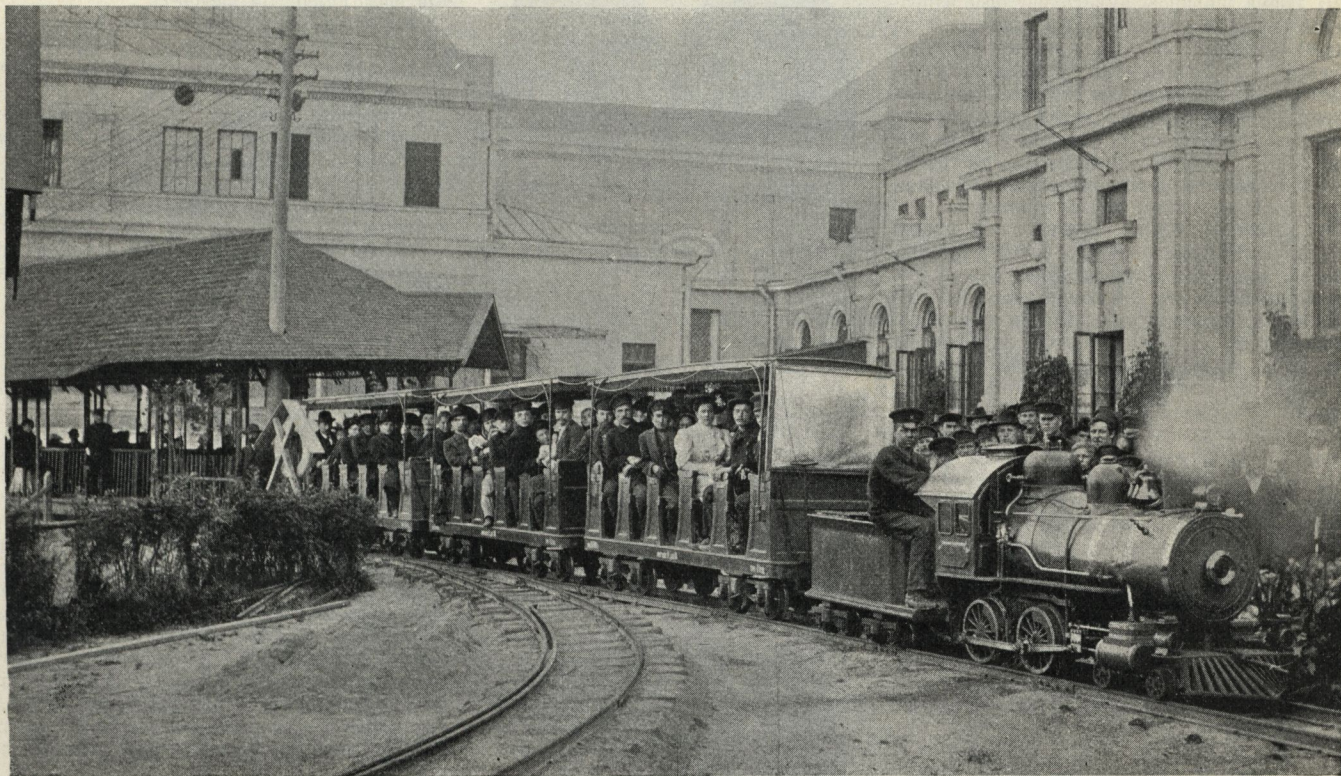
В центре глыбы высечена черная надпись: «Братская могила воинов, жизнь свою положивших за Вѣру, Царя и Отечество в Русско-Японскую войну 1904—1905 г.».

Фундамент памятника сделан такой величины, чтобы он прикрывал собою всю братскую могилу.

Предварительно испробовав свои силы над другим библейским сюжетом — «Явление воскресшего Христа Марии Магдалине», А. А. Иванов принял за тщательнейшее изучение Нового Завета и за добросовѣстѣйшую подготовку къ своей будущей главной картинѣ. Онъ зачерчивалъ характерныя головы, изучалъ движенія купающихся, дѣлалъ этюды съ пейзажей, приискивая мѣстность, похожую на окрестности Иордана. Для картины имъ было сдѣлано болѣе 200 этюдовъ, не считая рисунковъ головъ, драпировокъ и цѣльных фигуръ. Большинство этихъ этюдовъ служить теперь украшеніемъ лучшихъ нашихъ галлерей.

Съ 1848 г. художникъ сталъ сильно нуждаться въ деньгахъ, и картина замедлилась исполненіемъ. Позднѣ средства его нѣсколько поправились, но возникло новое, чрезвычайно важное съ точки зрѣнія самого Иванова, обстоятельство: онъ утратилъ религіозность и вѣру, а безъ вѣры не могъ уже продолжать свой трудъ.

Эта замѣчательная черта въ жизни художника показываетъ, какъ серьезно Ивановъ смотрѣлъ на значеніе и призваніе художника: художникъ долженъ вѣрить въ то, что онъ изображаетъ,

Самая маленькая желѣзная дорога въ г. С.-Петербургѣ (отъ Мытнинской набережной до Народнаго Дома).
По фот. Б. Н. Алексѣева, авт. «Нивы».

Памятникъ сооруженъ по проекту и подъ личнымъ наблюденіемъ генераль-майора С. А. Добронравова.

По образцу памятника на новомъ городскомъ харбинскомъ военномъ кладбищѣ, будутъ поставлены памятники и на всѣхъ братскихъ могилахъ павшихъ воиновъ.

А. А. Ивановъ. (Рис. на стр. 492).

16 іюля исполнилось столѣтіе со дня рожденія знаменитаго русскаго художника, Александра Андреевича Иванова.

Въ исторіи русской живописи А. А. Иванову удалось начертать яркую страницу, полную глубокаго чувства, таланта и нескончаемаго исканія правды. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ этой страницы вѣетъ мрачнымъ трагизмомъ личной жизни художника, не знавшаго почти никакихъ радостей въ жизни и проведшаго ее въ постоянной борьбѣ за кусокъ хлѣба и съ одолевавшими его сомнѣніями и исканіями художественной правды.

Ивановъ былъ пионеромъ художественнаго реализма въ русской живописи и, какъ всѣ пионеры, прошелъ нескончаемо-трудный тернистый путь, съ великими разочарованіями и муками непризнаемаго толпою таланта.

А. А. Ивановъ родился 16 іюля 1806 года. Одиннадцати лѣтъ онъ уже поступилъ ученикомъ въ академію художествъ и воспитывался въ ней, получая поддержку отъ Общества поощренія художествъ, подъ руководствомъ своего отца, профессора живописи А. П. Иванова. Въ 1827 г. Ивановъ, блестяще окончивъ курсъ въ академіи, былъ посланъ за границу и тамъ принялся усердно работать въ Сикстинской капеллѣ, изучая библейскіе сюжеты.

Мало-по-малу у него возникла мысль изобразить въ большой картинѣ «Явленіе Мессіи народу». Эта мысль потомъ всецѣло охватила художника, и вся дальнѣйшая жизнь его ушла на выполнение поставленной цѣли. Съ этого же времени и начался тернистый путь его художественнаго новаторства.

иначе говоря, должна существовать глубокая духовная связь между авторомъ и его художественнымъ дѣтищемъ.

Тогда-то и возникли разочарованія и сомнѣнія въ жизни Иванова, и онъ разлюбилъ свою картину. Онъ отправилъ ее въ 1858 г. въ Петербургъ, гдѣ картина имѣла довольно сомнительный успѣхъ и вызвала цѣлый рядъ тяжелыхъ для самолюбія художника толковъ и пересудовъ. Во время этихъ толковъ Ивановъ захворалъ холерой и 3 іюля 1858 года скончался.

Такъ закончилась его трудная, незадачливая жизнь. Талантъ его былъ достойно оцененъ уже послѣ его смерти. «Явленіе Мессіи» было приобретено Государемъ за 15.000 р. и впоследствии перешло въ собственность московскаго публичнаго музея, гдѣ находится и сейчасъ.

Кромѣ этой картины и другихъ, упомянутыхъ выше, Ивановъ написалъ очень немного отдѣльныхъ картинъ. Изъ нихъ можно назвать нѣсколько пейзажей и три картины изъ итальянской жизни: «Ave Maria», «Октябрьскій праздникъ» и «Итальянка, покупающая золотыя вещи».

Самая маленькая желѣзная дорога въ г. С.-Петербургѣ. (Съ рис. на этой стр.).

До сего времени въ нашей сѣверной столицѣ самой маленькой желѣзной дорогой считалась Ириновская желѣзнодорожная линія.

Теперь появилась еще меньшая, прямо-таки карликовая желѣзная дорога, устроенная въ Народномъ Домѣ Императора Николая II и сразу завоевавшая себѣ симпатіи посѣщающей Народный Домъ непріхотливой публики.

Мысль устроить здѣсь совсѣмъ игрушечную модель настоящаго желѣзнодорожнаго поѣзда пришла Августѣйшему предсѣдателю комитета с.-петербургскаго городского попечительства о народной трезвости, Его Высочеству принцу Александру Петровичу Ольденбургскому, который, какъ говорятъ, въ одну изъ поѣздокъ

своих за границу, сильно заинтересовался увиданным им гдѣ-то типомъ точно такой же оригинальной дороги. Самый паровозикъ, какъ увидать читатели по рисунку, необычайно миниатюрныхъ размѣровъ, развивающій однако давленіе отъ 110 до 135 ф., т. е. около 12-ти лошадиныхъ силъ, кушленъ былъ, вмѣстѣ съ соотвѣствующимъ ему по величинѣ тендеромъ, въ Нью-Йоркѣ на заводѣ «Cagney brothers New-York, City». Тамъ же нашлись къ нему и три вагончика открытаго типа, вмѣстимостью каждый на 12 человекъ взрослыхъ или 18 дѣтей. Нужды нѣтъ, что вагончики эти не совсѣмъ-то подходятъ къ локомотиву, котораго за ними даже и не видно, ибо вагоны значительно крупнѣе самого паровоза. Всѣ локомотива—180 пудовъ, а вагончиковъ—по 41 пуду каждый. Что касается самого пути или полотна, то у насъ строили его мѣстные техники электрической станціи Народнаго Дома. Полотно, общимъ протяженіемъ 600 саж. въ одну колею 22½ дюйма шириною, имѣетъ круговое направленіе отъ центральной станціи, указанной на нашемъ рисункѣ, въ одну сторону до Мытнинской набережной, гдѣ устроена крайне своеобразная неподвижная стрѣлка, благодаря остроумному перестѣченію путей очень просто повертывающая паровозъ обратно, и въ другую сторону—въ обходъ внутреннихъ построекъ службъ Народнаго Дома, а вмѣстѣ съ ними также и самой электрической станціи.

Эта желѣзная дорога служить пока просто для увеселительныхъ цѣлей, будучи предназначена лишь для катанія дѣтей, за что въ оба конца взимается пятикопеечная плата. Судя же по преобладающему контингенту пассажировъ этого игрушечнаго желѣзнодорожнаго пути, можно сказать, что и для взрослой публики Народнаго Дома такая забава пришлась, очевидно, по вкусу.

Дорога открыла движеніе съ 12-го іюня, но спустя нѣсколько же дней получила нѣкоторое поврежденіе въ механизмѣ паровоза, которое удалось исправить только недавно, такъ что вновь она стала функционировать лишь съ 16-го іюля.

Въ заключеніе нужно сказать, что весь этотъ забавный желѣзнодорожный путь устроенъ вообще съ соблюденіемъ полной иллюзіи настоящаго большого и солиднаго сооруженія; такъ, напр., помимо вполне оборудованной желѣзнодорожной станціи, здѣсь имѣются и электрическій семафоръ, и переводныя стрѣлки, и разная сигнализція, обычная на заправской желѣзной дорогѣ.

Ф. В. Овсянниковъ.

(Портр. на этой стр.)

Въ лицѣ скончавшагося академика Филиппа Васильевича Овсянникова русскій ученый міръ понесъ крупную утрату.

Имя покойнаго въ особенности было известно въ области ихтиологіи, а также гистологіи и эмбриологіи. Въ теченіе долгихъ лѣтъ онъ былъ дѣятѣльнѣйшимъ ученымъ и педагогомъ-профессоромъ и въ то же время занимался чисто-практическою дѣятельностью,

изучая русское рыбное дѣло и способствуя правильной постановкѣ его.

Избравъ своей спеціальностью ихтиологію, Ф. В. Овсянниковъ отправился въ Саратовъ и Астрахань, занимаясь тамъ изслѣдованіемъ рыболовства на Волгѣ и изученіемъ рыбьяго яда и много работалъ надъ гистологическимъ строеніемъ нервной системы морскихъ раковъ.

Въ 1856 году онъ былъ избранъ въ Казани ординарнымъ профессоромъ мѣстнаго университета по кафедрѣ физиологіи. Читая лекціи, занимаясь изслѣдованіями, молодой ученый успѣлъ издать къ этому времени немалое количество выдающихся трудовъ. Труды эти обратили на него вниманіе Академіи Наукъ, и въ 1863 году Академія избрала его въ академики. Ф. В. Овсянниковъ переехалъ въ Петербургъ. Вскорѣ послѣ того онъ занялъ кафедру и въ Петербургскомъ университетѣ, гдѣ, по примѣру Казани, устроилъ превосходный физиологическій кабинетъ.

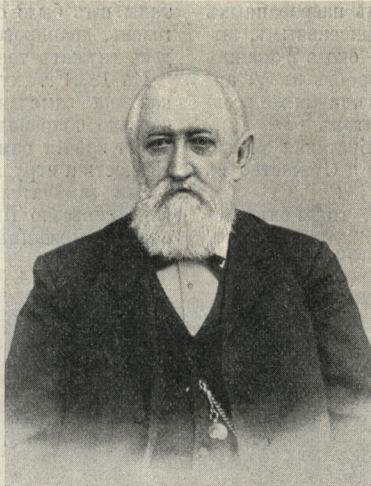
Съ 1886 по 1892 годъ покойный читалъ въ университетѣ исключительно эмбриологію и руководилъ практическими занятіями студентовъ по гистологіи.

За послѣднее время Ф. В. Овсянниковъ покинулъ университетъ и состоялъ лишь академикомъ въ Академіи Наукъ, будучи въ то же время почетнымъ членомъ Казанскаго университета и многихъ ученыхъ учреждений и обществъ.

За свои труды по рыболовству и разведенію стерлядей Ф. В. Овсянниковъ получилъ золотую медаль Парижскаго общества акклиматизаціи.

Ф. В. скончался 79 лѣтъ отъ роду.

Ф. В. Овсянниковъ.
По фот. авт. «Нивы».

Братство состраданія во Флоренціи.

(Рис. на стр. 484).

Кровавыя междоусобицы въ Италіи во время такъ-называемой «эпохи возрожденія наукъ и искусствъ» достигли неслыханныхъ размѣровъ. На улицахъ блестящихъ, пышныхъ городовъ то и дѣло происходили поединки, убійства, грабежи. Искусство владѣть оружіемъ въ цѣляхъ самозащиты сдѣлалось необходимымъ для каждаго горожанина. Но вотъ наконецъ наступила реакція: кровь ужаснула и оттолкнула людей отъ себя, и стали образовываться кружки и общества, поставившія своей задачей бороться съ жестокостью.

Такимъ путемъ возникло и знаменитое «Братство состраданія» во Флоренціи.

Картина Э. Паліано изображаетъ эпизодъ, послужившій поводомъ къ учрежденію этого братства: трупъ молодой, прекрасной патрицианки, звѣрски умерщвленной на улицѣ города, открылъ глаза мѣстнымъ почтеннымъ людямъ на происходящую оргію убійствъ, и они рѣшили учредить общество для борьбы съ этимъ зломъ.

В. С. Сергіевъ, известный окулист.
(По поводу 25-лѣтія учебно-врачебной дѣятельности). По фот. авт. «Нивы».

убійствъ, и они рѣшили учредить общество для борьбы съ этимъ зломъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разерочки, подписанная плата за „Ниву“ 1906 года должна быть внесена **полностью къ 1-му августу сего года.** Контора журнала „Нива“ **покорнѣйше проситъ поэтамоу гг. подписчиковъ, не внесшихъ сполна подписныхъ денегъ, озаботиться немедленною присылкою** остальной причитающейся съ нихъ суммы, **во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ № 36-го (отъ 9 сентября).** При высылкѣ денегъ гг. иногородные подписчики **благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса съ бандероли, или прилагать самый адресъ.**

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: „Маленькая“. Повѣсть И. Н. Потапенко. — Завидую тебѣ, свободный соловей! Стихотвореніе Георгія Аркатова. — Наканунъ отъѣзда. Разсказъ Б. П. Никонова. — Морская болѣзнь. — Антимилитаризмъ на Западѣ. (Политич. обзоръ). — 500-лѣтіе блаженной кончины преподобнаго Стефана. — Первый памятникъ на братской могилѣ въ Харбинѣ. — А. А. Ивановъ. — Самая маленькая желѣзная дорога въ г. С.-Петербургѣ. — Ф. В. Овсянниковъ. — Братство состраданія во Флоренціи. — Заявленіе. — Объявленія.

РИСУНКИ: Въ болынищѣ. — Какъ возникло „Братство состраданія“ во Флоренціи. — Судьба рѣшается. — Празднованіе 500-лѣтія со дня кончины преподобнаго Стефана Махрицкаго (4 рисунка). — Механическое (вибраціонное) кресло, предохраняющее отъ морской болѣзни. — Первый памятникъ воинамъ, павшимъ въ русско-японскую войну, на братской могилѣ въ Харбинѣ. — Къ 100-лѣтію дня рожденія А. А. Иванова. — Надгробный памятникъ художнику на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря въ Петербургѣ. — Первый автомобиль. — Самая маленькая желѣзная дорога въ г. С.-Петербургѣ (отъ Мытнинской набережной до Народнаго Дома). — Ф. В. Овсянниковъ. — В. С. Сергіевъ.

Къ этому № прилагаются: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія“ за августъ 1906 г., 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АВГУСТЪ 1906 г. съ 30 рис. и отдѣльн. листъ съ 32 черт. выкр. въ натур. велич. и 12 рис. выжиганія.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

